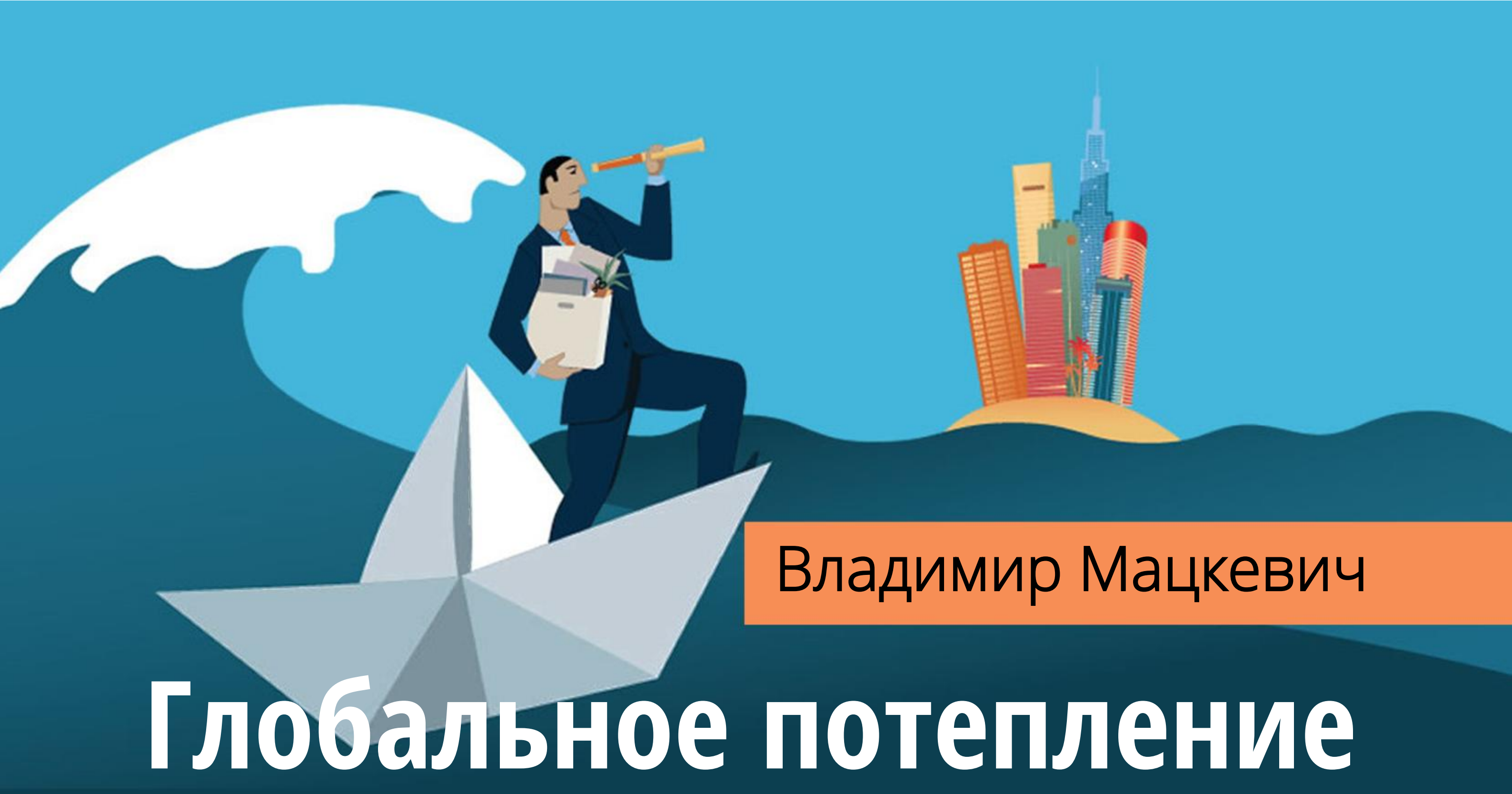
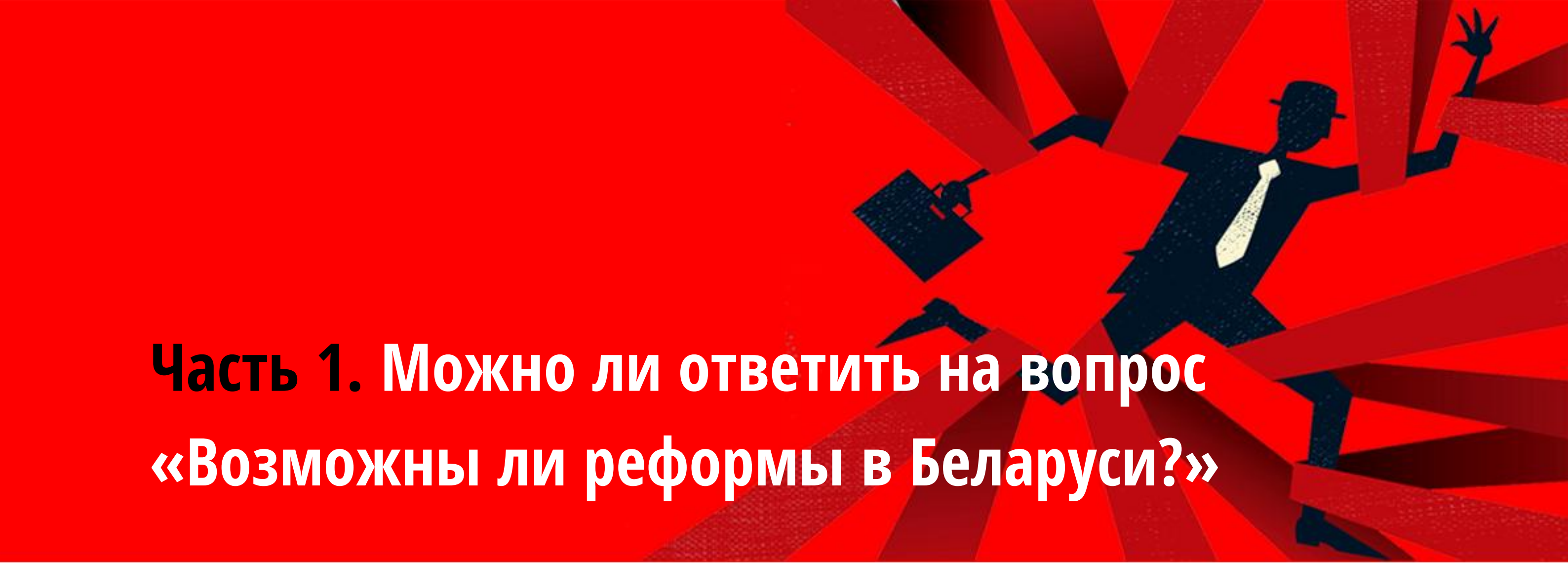

Владимир Мацкевич

Глобальное потепление после холодной войны

Содержание

МЕТОДОЛОГИЯ.by РЕСУРС БЕЛАРУССКОГО МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА
ЛЯТУЧЫ ЎНІВЕРСІТЭТ
ЦЭНТР ЕЎРАПЕЙСКАЙ ТРАНСФАРМАЦЫІ
EUROBELARUS МІЖНАРОДНЫ КАНСОРЦЫЮМ
БЕЛАРУССКИЙ ЖУРНАЛ

Часть 1. Можно ли ответить на вопрос «Возможны ли реформы в Беларуси?»

Будут ли реформы в ближайшее время в стране, я не знаю. Знаю только, что они необходимы, и без быстрых и успешных реформ наша страна будет только деградировать.

Но это ничего не значит. Реформы не вызываются объективной необходимостью, реформы — это чистый произвол, их задумывают, начинают и осуществляют люди в соответствии со своим пониманием, своими целями и представлениями о желаемом будущем. Любые надежды и упования на то, что объективный ход событий приведет к революции или к реформам, беспочвенны.

У истории нет объективных законов, подобных законам природы, в соответствии с которыми определенные причины приводят к определенным же следствиям. Даже Карл Маркс, пытавшийся постичь «объективные» законы исторического развития, вынужден был признать, что открытые им законы действовали в истории ровно до того момента, пока Маркс их не открыл. Поэтому общественно-экономические формации «объективно» сменяли друг друга, пока не пришло время менять описанный Марксом капитализм на коммунизм. Коммунизм, как выясняется, не наступит сам собой, объективно, но его может построить сознательный пролетариат, объединившийся в Интернационал или коммунистическую партию и вооружившийся «единственно верным» учением самого Маркса. А если пролетариат будет плохо учить марксизм, то коммунизм никогда и не наступит.

Потом выяснилось, что коммунизм можно и не строить, а капитализм можно улучшить, и еще долго продолжать улучшать и совершенствовать. Для этого тоже не вредно изучать марксизм, но не как «единственно верное» учение, а как критическую теорию капитализма. Можно улучшать капитализм и без учения Маркса. Но вот без чего нельзя улучшить любой общественно-экономический порядок, так это без желания его улучшать и без знания того, что именно подлежит улучшению. Если такого желания нет, то вместо улучшения капитализма можно заняться строительством «развитого социализма» и различных его разновидностей, от чучхе до рухнамы. Можно даже построить «беларусскую модель» социально-ориентированной экономики.

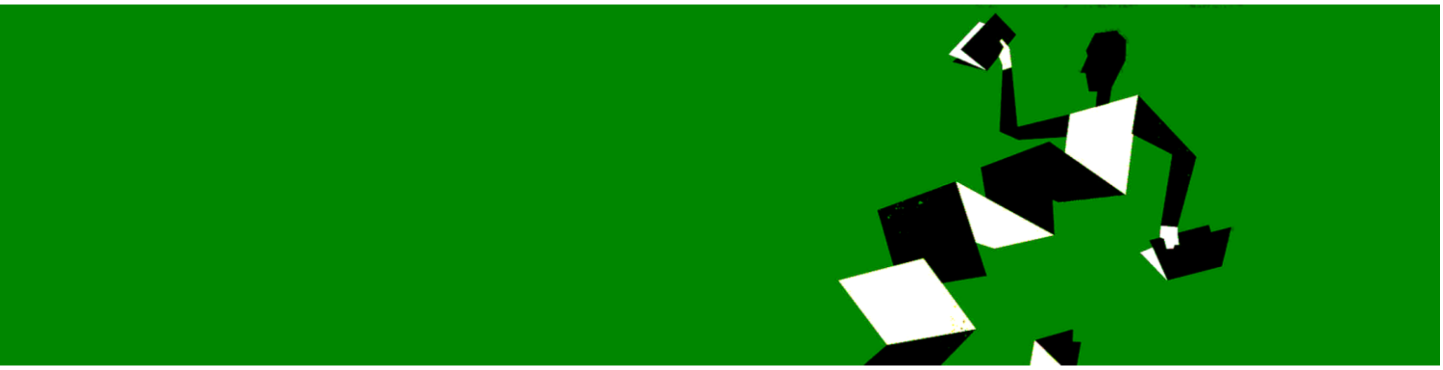
Не вдаваясь в анализ того, что представляют собой многочисленные вариации на тему «социализма с человеческим лицом», чаще всего приводящие к установлению бесчеловечных режимов, зададимся вопросом: а можно ли улучшить эти формы общественно-экономического устройства? Для ответа на данный вопрос придется задаться еще более радикальным вопросом: как долго могут существовать режимы, вроде беларусского, кубинского, корейского или туркменского? Насколько они в принципе жизнеспособны?

Исторический опыт говорит о том, что такие режимы существуют довольно долго, если в качестве единицы измерения использовать человеческую жизнь или поколение. В Северной Корее, на Кубе, в Советском Союзе несколько поколений сменилось при неизменном режиме, люди рождались, учились и работали, жили и умирали в одних и тех же социально-экономических условиях. У представителей этих поколений возникала иллюзия вечности этих режимов. Но это именно иллюзия, поскольку в истории нет ничего вечного — все, что имеет начало, имеет и конец. Но ведь конец не означает неизбежность изменений, конец может быть просто смертью — смертью государства, нации, общества, не желавшего меняться, обновляться, реформироваться.

Иллюзия вечности и неизменности того или иного общественно-экономического устройства ничуть не хуже, и не лучше, иллюзии объективной необходимости революций или реформ. И та, и другая иллюзии вредны, хотя и по-разному.

Иллюзия объективности революций и изменений побуждает людей к пассивному ожиданию этих изменений, и они ничего не делают, чтобы изменить общество, в котором живут, поскольку знают, что изменения придут сами собой.

Иллюзия вечности и неизменности социально-экономического устройства тоже делает людей пассивными, поскольку они убеждены, что любые их действия и поступки никогда не будут иметь успеха.

Почему беларусы ничего не делают, чтобы изменить свою страну?

Потому что одна часть общества уверена (имеет такую иллюзию), что так долго продолжаться не может, а демократические и рыночные перемены объективно неизбежны, поэтому их просто нужно дождаться. И это ожидание длится уже несколько десятилетий, подпитываемое многочисленными «прогнозами» того, что режим вот-вот рухнет по объективным причинам. Эти удивительные люди, убежденные в объективной необходимости изменений, радуются кризисам, росту безработицы, падению зарплат, обвалу рубля, приветствуют санкции против режима и страны. И все потому, что эти негативные сами по себе события должны ускорить приход перемен.

Другая часть общества убеждена, что существующее положение вещей является единственно возможным, ничего другого и быть не может, поэтому все попытки что-либо изменить заведомо тщетны и обречены на провал.

В результате одни ждут и жаждут перемен, но ничего для их наступления не делают, потому что перемены и без их участия должны случиться. Другие не ждут и не хотят, поэтому тоже ничего не делают, даже для того, чтобы предотвратить невозможные, по их мнению, перемены.

Любое деление общества на части условно. Возможно, что кроме этих двух пассивных частей в беларусском обществе есть еще кто-то, кто готов что-то сделать для изменения общества, кто готов принять участие в реформах или устроить революцию. Возможно, но не обязательно. Готовность действовать, а не пассивно ждать — обязательное условие перемен, но недостаточное. Нужно еще знать, как эти перемены осуществить. И не просто знать, как их осуществлять, но уметь двигаться в условиях высокой неопределенности, от успеха к успеху, исправлять ошибки, от которых невозможно застраховаться, не бояться ошибаться на пути, но, преодолевая препятствия и учась на собственных ошибках, двигаться к цели — к улучшению общества и экономики.

Если такие люди в Беларуси есть, то есть и надежда на перемены, есть потенциал реформирования.

Вот на Кубе, кажется, такого потенциала уже нет. Желающие перемен кубинцы могут только ждать вымирания касты вождей и правителей, но сами не знают, что и как исправлять. Они могут надеяться на кубинскую эмиграцию, которая может вернуться, начать и провести обновление общества.

Нет такого потенциала и в Северной Корее. Когда наступит конец династии Кимов, это государство просто перестанет существовать, изменения будут осуществлять корейцы с Юга, и они же должны будут оплачивать эти изменения.

Но нас интересует Беларусь.

Зададимся вопросами:

- Возможны ли перемены в Беларуси?
- Возможны ли перемены в Беларуси в ближайшее время?
- Возможны ли перемены в Беларуси в ближайшее время и в лучшую сторону?
- Возможны ли перемены в Беларуси в ближайшее время и в лучшую сторону, осуществляемые собственными силами, а не посредством внешнего управления?

Чтобы начать отвечать на эти вопросы всерьез, а не фантазируя и витая в облаках и иллюзиях, нужно разобраться с пресуппозициями и допущениями. Нужно самоопределиться в интеллектуальном инструментарии, с помощью которого можно целерационально ответить на эти вопросы, не нагоняя лозунгового пафоса, не прибегая к идеологическим заклинаниям.

Общие пресуппозиции:

1. Мир и человечество на планете меняются. Беларусь — часть мира и человечества, поэтому не может быть вне мира, вне человечества, поэтому она меняется, хочет того или не хочет.

2. Мир меняется очень быстро, изменения происходят с ускорением, поэтому нужно адаптироваться к этому ускорению изменений и инноваций.

3. Мир меняется неравномерно: одни части мира меняются быстрее, другие медленнее, кто-то становится лидером изменений и выигрывает, кто-то опаздывает, становится аутсайдером и проигрывает.

4. Лидеры изменений получают все выгоды и преимущества изменений и инноваций, аутсайдеры подвергаются изменениям, терпят их и страдают от них.

5. Мало меняться вместе со всем миром, нужно выбраться из категории отстающих аутсайдеров, синхронизироваться с мировыми процессами изменений, а в идеале — быть среди лидеров инноваций и самим производить изменения.

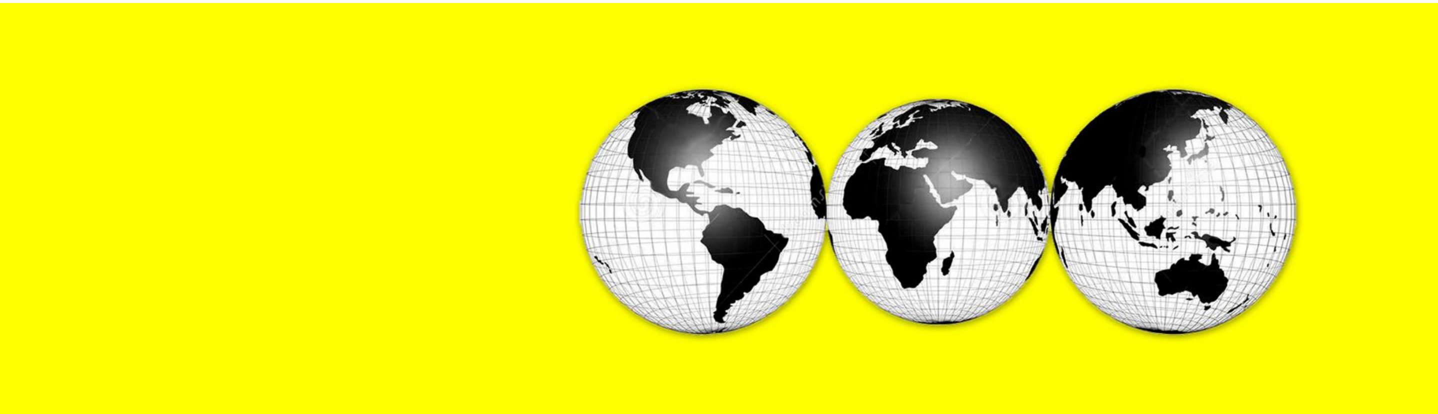
Нечто новое в мире может появляться в любой его части. Но по темпам изменений и количеству производимых инноваций можно условно выделить три группы стран, наций и государств:

1. **Страны-лидеры**, или **страны «первого мира»**. Они характеризуются не только и не столько тем, что в них производится большая часть инноваций, но и тем, что они легко принимают изменения, апробируют их, оставляют полезные и отказываются от вредных и бесполезных. Они чувствительны и восприимчивы к изменениям, происходящим из любой части мира.

2. **Модернизирующиеся страны «второго мира»**, которые перенимают изменения, уже произошедшие в «первом мире», и находятся в постоянной гонке за лидерами.

3. **Страны «третьего мира»**, в которые изменения приносятся извне субъектами из стран «первого» и «второго» миров.

Такое деление на три группы похоже на представления о мире эпохи холодной войны, но это поверхностное сходство. В дальнейшем сходство и отличие, а также преемственность между делением на три мира эпохи холодной войны и современным делением нужно будет рассмотреть специально.

Пресуппозиции самоопределения (В какую из трех групп входит Беларусь?):

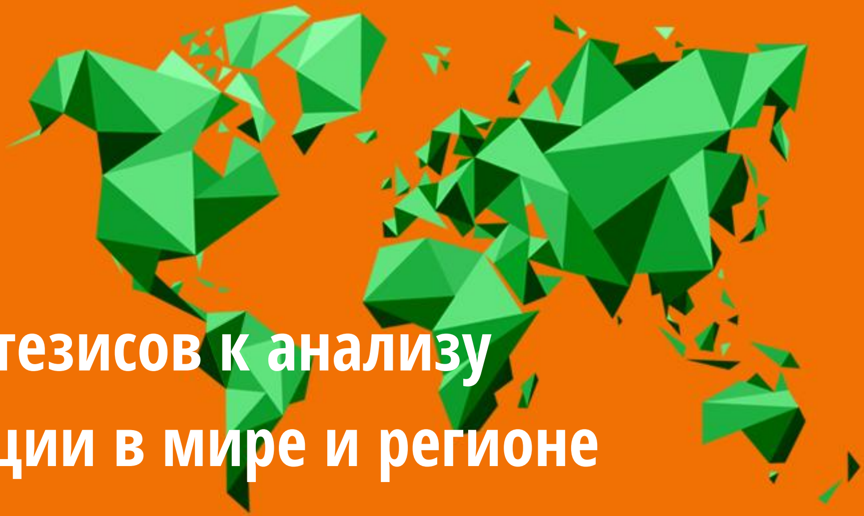
1. Обретя в результате распада Советского Союза независимость, Беларусь была частью «второго мира», страной, находящейся в процессе перманентной модернизации.

2. Беларусь как независимое государство образовалась на базе одного из самых развитых регионов бывшего СССР, поэтому располагала высоким потенциалом перехода из категории «второго мира» в категорию «первого мира».

3. Общественное сознание и идеология установившегося в стране режима по своим установкам и предпочтениям не соответствовали положению стран «второго мира», политический режим и часть общества самоопределились в «третьем мире». В концепции своего развития Беларусь стала ориентироваться на страны «третьего мира», как в политическом отношении, так и в принятии идеологии ретроградной индустриализации.

4. В силу специфических условий развития и географического положения изменения в Беларуси происходят быстрее и эффективнее, чем в большинстве стран «третьего мира». Поэтому Беларусь все еще имеет некоторый потенциал для развития и может ставить целью выход в группу стран «первого мира».

Вот на таких исходных полаганиях я могу начинать обсуждать и анализировать возможные реформы в Беларуси.

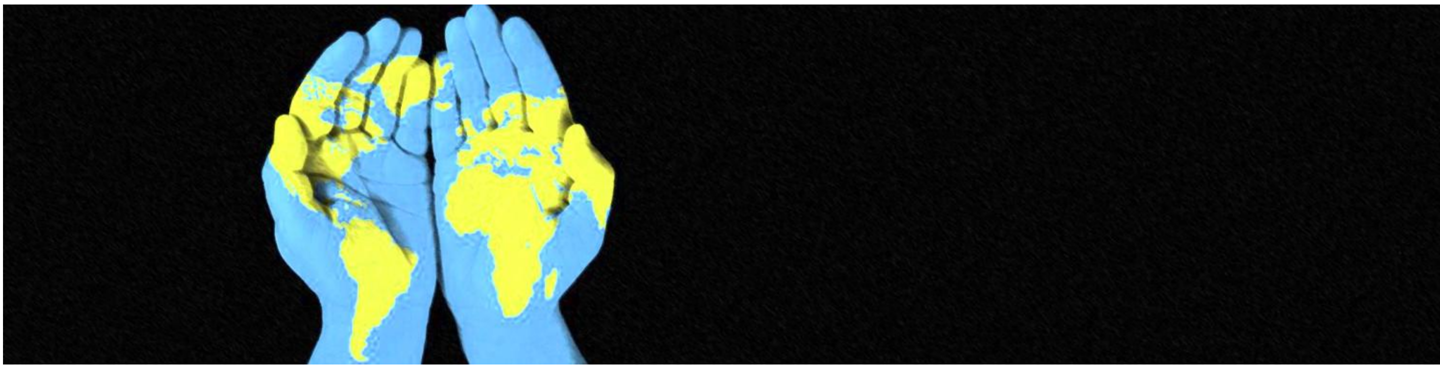

Часть 2. Несколько тезисов к анализу современной ситуации в мире и регионе

Глобализация

Процесс глобализации невозможно не замечать. Глобализация еще не закончилась, но и началась она не сегодня. Мы находимся уже на некотором промежуточном этапе глобализации, когда накопились какие-то эффекты, которые в прошлом только намечались, а теперь уже в достаточной степени изменили мир. А для понимания и объяснения современного мира мы все еще пользуемся старыми категориями и понятиями, появившимися в предшествующую эпоху и в значительной степени уже непригодными для описания современности. Глобализирующийся мир иногда называют эпохой постмодерна, а предшествующие ему два столетия — эпохой модерна. Эпоха модерна характеризуется, кроме всего прочего, национализмом и созданием национальных государств, которые мыслились основными субъектами мировой политики и общественно-экономических изменений.

В процессе глобализации роль и место национальных государств приходится переосмысливать. Соответственно, переосмыслению подлежат и все связанные с государством категории: «гражданин», «личность», «закон и право», «права человека», «суверенитет государства» и «суверенитет личности» и многие другие.

Первое обстоятельство, которое нам необходимо учитывать в этом контексте, — это то, что в современном мире **государства определяются локально, а человек самоопределяется глобально**.

В процессе глобализации суверенитет национальных государств ограничивается все больше и больше, а суверенитет и свободы человека увеличиваются.

Примерно до середины XX века человек был свободен и наделен правами ровно в той мере, в какой он был частью государства — гражданином того или иного государства. Поэтому в борьбе за свои права и свободы люди-граждане рассматривали свое государство как главное условие

своих прав и свобод, своего благосостояния и качества жизни. Борьба за права и свободы, за улучшение качества жизни принимала формы политической деятельности, активные граждане стремились участвовать в управлении государством и стимулировать его изменение в лучшую сторону.

Человек эпохи глобализации теряет интерес к государству, гражданином которого он является по факту рождения или натурализации. Он самоопределяется в мире и связывает улучшение своего качества жизни с местом, а не с политическими институтами. Если он может реализовать свои способности и желания в какой-либо области деятельности, он должен найти в мире такое место, где его способности могут быть востребованы, а его запросы могут быть удовлетворены. Ищущие творческой реализации едут в Голливуд, стремящиеся заниматься наукой на переднем плане ищут возможности сотрудничать с ЦЕРН или несколькими ведущими университетами мира, стремящиеся участвовать в управлении миром становятся соискателями должностей в структурах Евросоюза в Брюсселе.

В прошлом любая карьера была ограничена теми возможностями, которые может предоставить гражданину национальное государство. Предположим, что высшей ступенью административно-политической карьеры являлась позиция президента страны. И если страна маленькая (например, Латвия или Литва), то и возможности управлять миром из этой позиции были крайне малы. Сегодня человек с высшей позиции в своем государстве может перейти еще выше, к примеру, в Еврокомиссию, и участвовать в управлении миром, опираясь на все ресурсы Евросоюза. Принципы организации органов управления Евросоюза открывают широчайшие возможности для граждан любой страны в Европе. Более того, гражданство в этом случае не имеет большого значения.

Это ведет к тому, что активный человек все меньше уделяет внимания политике в рамках национального государства, все меньше от него зависит, не стремится к влиянию на него, а ищет возможности самореализации в открытом мире. Главными условиями его самореализации являются не политические или какие-либо иные условия его родной страны, а исключительно его образованность, компетентность, активность и мобильность.

Вторым важнейшим обстоятельством для нашего анализа выступает утрата национальным государством не только суверенитета, а значит, и субъектности в мировых процессах изменений, но и то, что государства и нации перестают быть единицей анализа в понимании мировых процессов. Рассмотрим в этом ракурсе упоминавшееся выше трехчастное деление мира на «первый», «второй» и «третий» миры.

Во времена холодной войны было легко определить место любой страны в одном из трех миров: «первый мир» — развитые страны; «второй мир» — страны коммунистического блока; «третий мир» — «развивающиеся» страны. Видимо, страны «первого» и «второго» миров политкорректно считались развитыми по умолчанию. Большинство государств мира входило в Организацию Объединенных Наций. Но конфликты интересов и политические коллизии в ООН определялись принадлежностью разных государств-наций к двум противостоящим друг другу блокам: блоку НАТО и блоку Организации Варшавского договора. Входившие в эти военные, или оборонные, блоки страны составляли костяк «первого» и «второго» миров. Не входившие в эти блоки страны пытались создать для защиты своих интересов Организацию неприсоединившихся стран. Ничего хорошего из этого не получилось — организация так и не состоялась, и коммуникация неприсоединившихся стран между собой принимала форму движения, а не организации. Движение было аморфным и непоследовательным не только потому, что не удавалось создать организацию, но потому, что неприсоединившиеся страны имели очень разный статус и разные интересы. Так, Финляндия и Югославия в контексте холодной войны по своему положению и

уровню развития принадлежали скорее к «первому» и «второму» мирам и имели совершенно иные интересы, нежели страны Африки и Латинской Америки.

С падением Берлинской стены, роспуском Организации Варшавского договора и развалом СССР закончилась холодная война, и деление на эти три мира потеряло значение. Поэтому выделяемые нами сейчас три группы стран не совпадают с набором стран НАТО и бывшей Организации Варшавского договора. Но это не главное. Важнее то, что границы между тремя мирами сейчас проходят не по границам национальных государств, они проходят внутри стран и наций.

Здесь нужны некоторые методологические уточнения. Идеальный тип в социологическом методе и идеальный объект в естественнонаучном — не одно и то же. Идеальный объект науки — аналитический прием мышления, или чистое понятие о чем-то, тогда как идеальный тип по Максу Веберу — это синтетическое суждение, связывающее в систему объекты разной природы. Идеальный объект — это онтологическая схема, а идеальный тип — комплекс онтологий, не имеющий самостоятельного значения и необходимый для решения некой познавательной или практической задачи. Так, выделяя идеальные типы деятельности (политику, науку и др.), Макс Вебер рассматривал комплекс «призвание и профессия», где через категорию «призвание» соотносятся наука или политика с характеристиками и свойствами субъекта-ученого или субъекта-политика — с одной стороны, и с социальным институтом — «профессией» — с другой стороны. Еще более сложный комплекс у Вебера получается в типе «трудовая этика». Идеальный тип «протестантская этика» может быть репрезентирован экземплификантом «типичный протестант». «Типичный протестант» — это идеальный объект, который не встречается в эмпирической реальности, но «протестантская этика» регламентирует и нормирует социальные отношения, этику и труд в протестантских общинах и сообществах с преобладанием вовсе не идеальных протестантов. Аналогичными идеальными типами являются первая и вторая этические системы Владимира Лефевра. Обе системы регламентируют жизнь больших сообществ, в каждом из сообществ живут люди, которые могут и не разделять установки, нормы и идеалы этих этических систем, но их поступки и действия, а также события их жизни и судьбы могут быть поняты именно в рамках этих идеальных типов.

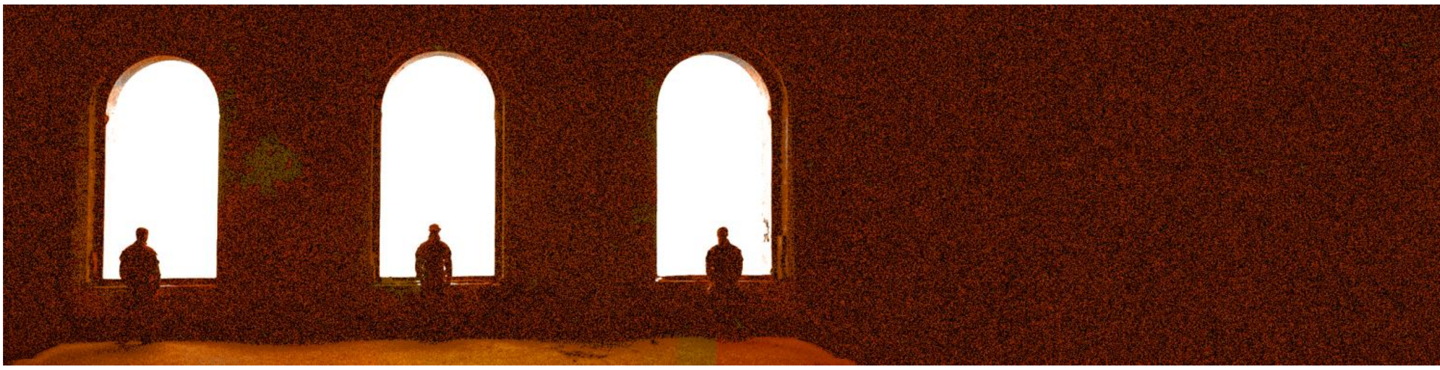
Три мира времен холодной войны — аналитический принцип, позволяющий провести границы между странами, относимыми к разным общественно-политическим системам. Тогда как три мира, о которых можно вести речь в наше время, — это идеальные типы, т.е. синтетическая процедура, позволяющая понять действия, поведение, события жизни и судьбы некоторых больших сообществ.

С некоторой долей условности в группы стран идеально-типических «первого» и «третьего» миров можно зачислить целые государства и нации. Например, Эстонию, Финляндию, Швейцарию можно целиком причислить к «первому миру». Некоторые страны Африки и Азии однозначно попадают в группу «третьего мира». В большинстве же случаев эти три мира

уживаются в рамках одной нации. И зачислять какую-либо страну в группу развитых стран или лидеров инноваций можно только на основании политики, проводимой государством, а не по уровню развития всей страны. Даже в США и ведущих европейских странах часть общества оказывается аутсайдером прогресса и инноваций.

Разделение нации и общества по отношению к развитию и инновациям особенно болезненно для стран «второго мира», т.е. тех, кто находится в состоянии бесконечной модернизации, участвуют в гонке за лидерами без надежды когда-либо их догнать. К числу таких стран можно отнести, например, Турцию, которая еще в годы холодной войны была членом НАТО, но которую никак нельзя отнести к лидерам прогресса и инноваций, ни тогда, ни сейчас.

К этой же группе можно отнести Беларусь, Украину и Россию. Все страны «второго мира» несчастны по-своему. Достаточно сравнить положение дел в Беларуси, Украине и России, не говоря уж о Бразилии, Индии, Китае, Турции и др.

Как это проявляется в Беларуси (при том что нечто похожее есть и в Турции, и в Украине)?

Часть беларусов практически самоустранилась от участия в политических, экономических и общественных процессах в стране, аргументируя такое самоустранение тем, что они и так «живут в Европе». Уровень, качество и образ жизни этих беларусов практически ничем не отличается от того, как живут в Польше, Литве и более отдаленных странах. Они разговаривают на тех же языках, что и другие европейцы, учатся в тех же университетах, отдыхают в тех же местах, ездят на тех же машинах, потребляют те же продукты питания и одежду, читают те же книги, слушают ту же музыку. Они ведут бизнес в нескольких странах или работают по контрактам с организациями-резидентами самых разных государств или состоят членами европейских или международных организаций. Транспорт, средства связи, электронные деньги, прочие инфраструктурные аспекты позволяют этой части беларусского общества вести жизнь, к которой беларусский режим и общественно-экономические условия страны не имеет никакого отношения.

Существует и другая часть беларусов, которые никогда не покидали пределов страны, которые не пользуются интернетом, не знают языков, ограничены в своих компетенциях настолько, что оказываются функционально безграмотными за пределами среды своего постоянного обитания. Они вынуждены пользоваться мобильными телефонами, хотя все их абоненты находятся в пределах слышимости громкого крика.

Эти две группы беларусов могут жить в одних и тех же городах, даже на соседних улицах. Но одни живут в «первом мире», а другие — в «третьем». И между ними — пропасть. Пропасть в сознании. Одни уже адаптированы к глобализации и используют ее преимущества, беларусское государство им в этом практически не мешает, они живут как бы «поверх» него. Другие ничего не знают о преимуществах глобализации и скорее испытывают от нее неудобства.

Сложнее всего беларусам из «второго мира». Они знают о преимуществах глобализации, демократии, правах и свободах человека, мобильности, как географической, так и социальной, но это все для них недоступно. И доступ к преимуществам глобализации для них перекрыт государственным устройством и установившимся режимом, политикой и экономикой в стране.

«Первому» и «третьему» мирам не нужны перемены и реформы, хотя и по разным причинам. В переменах нуждается только «второй мир». В беларусском обществе эти три группы представлены далеко не в равных пропорциях, и не в равной степени они владеют ресурсами для осуществления перемен.

Относить страну, нацию и государство к «первому», «второму» или «третьему» мирам можно условно, выяснив, в каком из миров самоопределяется правящий класс в стране. Это принципиальное обстоятельство. Нельзя ничего понять через социологические измерения настроений и мнений большинства. Пропорциональное представительство всех трех групп в стране непостоянно, оно изменчиво. Важно то, представители какой из групп правят, кто определяет программы, стратегии и перспективы.

Сегодня правящий класс в Беларуси формируется из той части общества, которая живет в «третьем мире». Этих людей пугает глобализация, они не знают, как к ней адаптироваться, не способны быть инициаторами инноваций, лидерами перемен.

Положение дел в регионе

Геополитика часто понимается как теоретическое и идеологическое обоснование неоколониального устройства мира, и на этом основании она отвергается многими аналитиками и исследователями. Но, будучи средством анализа, геополитика, как и любое средство или инструмент, может использоваться в соответствии с целями и установками тех, кто этим средством или инструментом пользуется.

Географическое местоположение любой страны в некоторой степени определяет историческую судьбу этой страны. И это глупо оспаривать. Хотя нужно помнить, что влияние географии на судьбы людей и сообществ не фатально. География детерминирует историческое начало, но не предопределяет исторический конец. Она определяет, откуда мы начинаем свой путь, но пункт назначения и цель движения люди и человеческие сообщества выбирают сами. При выборе того или иного направления движения география может быть помехой или, напротив, благоприятствовать. Так, из всех бывших югославских республик Словения оказалась в самом благоприятном положении, а Македония — в самом неблагоприятном. Словении, как и Венгрии или Чехии, для вхождения в «первый мир», в группу стран-лидеров глобализации, не нужно прилагать таких больших усилий, как Македонии, Албании или Болгарии. Для самоопределения стран, находящихся в центре Европы, их правительства не играют такой роли, как для периферийных стран. Правительства Австрии, Чехии или Словении могут просто следовать в фарватере общеевропейских процессов, ход которых определяют другие. А вот для Хорватии, Сербии или Беларуси это совсем не так. Их географическое положение требует четкого самоопределения правительств и выбора вектора развития.

Географическое положение страны — всего лишь условие самоопределения правящего класса этой страны. Его необходимо учитывать при выборе направления развития и при анализе ресурсов, необходимых для обеспечения этого развития.

Для Беларуси ее географическое положение открывает практически равные возможности для выбора прямо противоположных направлений: можно — в Европу, или в группу стран-лидеров, а можно — в Евразию, или в группу стран-аутсайдеров. Беларусь может самоопределяться в группе стран бывшего СССР или бывшей федерации Польши и ВКЛ. А может определяться в исторически достаточно новом регионе стран Балтии.

Казалось бы, трактовка стран Евразии как аутсайдеров в глобальных процессах уже сама по себе определяет выбор направления развития Беларуси — нужно двигаться в противоположном направлении. Но все не так просто!

Во-первых, самоопределение базируется на амбициях правящего класса. А учет амбиций при самоопределении задается дилеммой Цезаря: «Быть вторым в Риме или первым в альпийской деревушке». Правящий класс может предпочесть первенство в группе аутсайдеров вторым или третьим ролям в лиге чемпионов.

Во-вторых, самоопределение предполагает согласование с самоопределением других, партнеров или оппонентов. Бурное экономическое развитие Китая создает геополитическую иллюзию смещения центра мирового развития на Дальний Восток. Поэтому выбор евразийского направления движения воспринимается некоторыми не как движение в Россию или «назад в СССР», а как движение вперед, вслед за Китаем. Геополитическая ориентация Казахстана является дополнительным аргументом для правящего класса Беларуси в пользу выбора евразийского направления.

В-третьих, актуальная геополитическая ситуация всегда трудна для анализа и понимания. Очень трудно отделить в текущей ситуации то, что перспективно и имеет потенциал в будущем, от того, что временно и преходяще. Всякий раз существует соблазн считать текущую ситуацию временным состоянием, чем-то преходящим, после чего последует откат к прошлому. Так, те, кто считают распад СССР временным явлением и видят в будущем восстановление его, одновременно считают экономический подъем Китая постоянным и перспективным. И, наоборот, кто-то может считать экономический взлет Китая временным явлением, а распад СССР и его блока — окончательным и бесповоротным.

Самоопределение правящей элиты Беларуси только при однобоком подходе может выглядеть неразумным и недальновидным. Оно строится как на учете геостратегического положения Беларуси, так и на высоких геополитических амбициях. Белорусский режим претендует, во-первых, на лидерство в географическом регионе Евразии, во-вторых, на использование своей близости к Европе в качестве ресурса для обеспечения этого лидерства. Ввязаться в такую сложную геополитическую игру возможно только при очень высоких амбициях, и ставки в такой игре очень высоки. Кроме того, анализ геополитической и региональной ситуации, на котором режим строит свою политику, исходит из того, что переход центра мирового развития из Североатлантического региона на Дальний Восток — установленный исторический факт, и он необратим. В терминах «первого», «второго» и «третьего» миров это означает, что именно Китай

и страны Евразии становятся «первым миром», а США и Европа оказываются во «втором мире», в положении догоняющих. В такой картине мира и в такой версии всемирной истории историческая и политическая судьба Беларуси выглядит очень привлекательной. Беларусь становится самым западным членом глобального сообщества лидеров мирового развития, самой западной страной «первого мира», или той группы стран, которая станет «первым миром» в ближайшем будущем.

Насколько справедливы такая картина мира и такая версия истории?

Сторонники выбора европейского вектора развития не считают их справедливыми. И в этом проевропейски настроенные социальные группы в Беларуси солидарны с европейскими и американскими политиками, аналитиками и лидерами общественного мнения. Поскольку в актуальной ситуации именно США, Европа и еще несколько стран в других регионах мира репрезентируют «первый мир», им и являются, то проевропейски настроенные беларусы тоже относят себя к «первому миру», т.е. к доминирующему в мире тренду, образу мысли и образу действия. Принадлежать к доминирующей группе в мире еще не значит доминировать в своем регионе. В своей стране сторонники выбора европейского вектора развития не только не доминируют, но оказываются в меньшинстве.

И не только в своей стране, Беларуси, но и в регионе в целом, если рассматривать еще и Украину с Россией. Эти три страны трудно рассматривать друг без друга. Они составляют самый компактный регион, удобный для анализа и сравнения.

Еще 25 лет назад все три страны были синхронизированы почти по всем процессам и изменениям, которые в них происходили, они управлялись монолитным правящим классом из единого центра в Москве. Даже объявление о демонтаже СССР и об образовании нового союза уже независимых государств сделано было главами этих трех государств. Инерция политического мышления долгое время не позволяла замечать того, что практически сразу после объявления независимости все три страны избрали совершенно разные варианты своего существования. За прошедшие четверть века Беларусь, Украина и Россия так изменились и стали такими разными, что общая двухвековая история уже практически не сказывается на их отношениях. Хотя правящие элиты всех трех стран имеют общее происхождение (это осколки и рудименты КПСС и совместимых с партией профессиональных кланов и мафий), они получили почти одинаковое образование, делали карьеру в одних и тех же условиях. Общность происхождения и культурного бэкграунда проявляются в инерции мышления, в шаблонных политических реакциях и в сходной картине мира. Однако в управлении своими странами правящие элиты вынуждены исходить из объективных факторов и считаться с реальностью. Поэтому прагматика реальной политики берет свое, и правящие элиты Минска, Киева и Москвы уже давно находятся в конфликте, как друг с другом, так и с активными социальными субъектами в своих странах.

Во всех трех странах слишком много общего, чтобы это можно было игнорировать при анализе их политики, видения будущего и избираемого ими образа действия. Но, вместе с тем, накопилось так много различий, что анализировать и понимать их можно только по отдельности.

После распада СССР перед правящими группировками Беларуси, Украины и России стояли сходные проблемы, но разные вызовы. Принимая разные вызовы, правители этих стран вынуждены были по-разному решать одинаковые проблемы и задачи. Разрешение системного кризиса, доставшегося в наследие от деградировавшего СССР, в каждой из стран происходило в соответствии с тем, какую идеологию приняли для себя правящие элиты, какие аспекты власти (деньги, силовые структуры или баланс интересов) они избрали для удержания контроля над экономикой и обществом, какие механизмы государственного управления они использовали, какую экономическую модель реализовывали, и каким образом ориентировали население для нормализации изменившегося образа жизни. Даже беглое рассмотрение двадцатипятилетней истории суверенного существования Беларуси, Украины и России заняло бы слишком много места и времени, когда-нибудь эта работа будет проделана. А в рамках нашей темы мне придется ограничиться Беларусью, причем не в плане генезиса и становления существующего режима, а рассматривая возможные пути его трансформации.

При этом все же придется помнить, что действующие субъекты и агенты перемен в Беларуси вынуждены оглядываться на опыт соседних Украины и России, учитывать ошибки и промахи, сравнивать и, в какой-то степени, соревноваться с ними. То же самое относится к действующим субъектам и агентам перемен в Украине и России по отношению к Беларуси. Любые предложения перемен в Беларуси будут критически восприниматься через негативные примеры в опыте Украины и России. Про позитивный опыт соседей приходится говорить меньше, позитив в соседних странах способны увидеть лишь немногие из агентов перемен, и то только через призму своих идеологических установок.

И еще при рассмотрении возможности трансформации в Беларуси приходится учитывать непосредственное влияние внешних факторов. Существовавший в СССР и составляющий костяк СНГ треугольник Москва—Киев—Минск не является ни равносторонним, ни даже равнобедренным. Влияние Москвы на Киев и Минск огромно и несопоставимо с влиянием Киева и Минска друг на друга. Со стороны Москвы это можно рассматривать как влияние, а со стороны Киева и Минска — как зависимость. Киев и Минск зависимы от Москвы по трем основным сферам или факторам, плюс — можно выделить еще один генеральный и универсальный фактор.

Основные факторы:

- Военно-стратегическая зависимость и силовое давление;
- Финансово-экономическая зависимость;
- Интеллектуальная зависимость.

Генеральным фактором является информационная зависимость. У Киева и Минска нет секретов от Москвы. С советских времен вся статистика, планы, карты, прогнозы — вся и всяческая информация — сосредотачивалась и накапливалась в Москве.

Все военно-стратегические объекты известны Москве. Там было сосредоточено и остается командование армиями и силовыми структурами всего постсоветского пространства. Все военные объекты, тактико-техническая информация о вооружении и боеспособности практически любого подразделения имеется или доступна Москве. СБУ и беларусский КГБ

образовались из провинциальных отделений КГБ СССР и до сих пор находятся в информационной зависимости от российской ФСБ.

Потенциал, связи, возможности всех крупных или сколь-нибудь значимых предприятий, финансовых и экономических структур — все это известно в Москве. Известно в той же мере, что известно Киеву и Минску в своих странах. И, наоборот, никакой специальной информации о финансах, бизнесе и экономике России в Киеве и Минске нет, кроме того, что есть в открытых источниках.

То же самое относится к информации о научно-техническом потенциале, конструкторских, инженерных и управленческих кадрах.

Что касается трех основных сфер зависимости, то нужно отметить, что интеллектуальная зависимость в наших странах всегда недооценивалась, финансово-экономическая — переоценивалась, а силовая и военная — чаще просто замалчивались.

Прямая агрессия России против наших стран в прошлом казалась немыслимой, но уже задолго до 2014 года в Киеве и Минске хорошо понимали, что Москва может в любой момент дестабилизировать обстановку в наших странах и добиться удовлетворения любых своих политических или экономических интересов. Инструментами такой дестабилизации могут быть и мелкие диверсионные группы, общественные пророссийские структуры, но главным образом это по-прежнему подконтрольные Москве силовые структуры в наших странах.

Часть 3. Положение дел в Беларуси

Сегодня в Беларуси нет агентов перемен и сколь-нибудь реалистичных предложений реформ или трансформации.

Этот тезис может показаться слишком категоричным. У некоторых групп, до сих пор считающих себя партиями или общественными движениями, есть документы, похожие на программы или планы реформ. Но они не выдерживают критики, пригодны только как идеологические декларации. И, тем не менее, эти группы будут настаивать на том, что у них есть сформированные предложения. Оспаривание этого или развернутая критика данных предложений представляется мне просто потерей времени, втягиванием в ненужный и бесперспективный спор. Даже если в этих документах и содержатся какие-то рациональные элементы, они слишком общие и банальные. Определяющим же фактором является то, что ни одна из т.н. партий или движений не является силой, способной реализовать собственные же предложения.

Ни властная элита, ни оппозиционные группы не знают, что нужно делать со страной, не могут делать и неизвестно, хотят ли.

Я оставлю этот тезис без подробного обоснования в силу проделанных выше рассуждений про «первый», «второй» и «третий» миры, а также про две доминирующие иллюзии в массовом сознании.

Эти иллюзии (наивная вера в объективную неизбежность реформ и не менее наивная убежденность в вечности и неизменности установившегося порядка вещей) присущи представителям всех трех миров. Сочетая их вместе, мы получим шесть типологических кластеров в беларусском обществе, ни один из которых не способен к замысливанию и реализации перемен (см. таблицу 1).

Таблица 1.

	«Первый мир»	**«Второй мир»**	**«Третий мир»**
Иллюзия объективности и законосообразности изменений	**«Конъюнктурщики»**: сканирование временных состояний (застой—развитие) мест возможного пребывания	**«Протестный электорат»**: пассивное ожидание перемен, сканирование неприятностей и признаков кризиса, участие в протестных движениях	**«Агрессивное большинство/ меньшинство»**: враждебное отношение к любым переменам, терпеливое приспособление к переменам, которых невозможно избежать
Иллюзия неизменности и вечности порядка вещей	**«Эмигранты» (актуальные и потенциальные)**: поиск места на планете, где «лучше»; дрейф и миграция; сканирование «потребительских качеств» мест возможного пребывания	**«Вышиванки» («литвины», «коммунисты» и т.д.)**: жизнь прошлым, увлечение символами, демонстрирование символов прошлого, адаптация к условиям, пассивное принятие судьбы	**«Простые люди»**: удовлетворенность стабильностью, рутинные занятия

Но можно предположить, что в стране существуют активные люди, способные и готовые при определенных условиях инициировать реформы и включиться в их реализацию.

Это априорная гипотеза. Но если не придерживаться такой гипотезы, то вопрос следует закрыть и объявить, что ничего изменить невозможно, т.е. принять одну из иллюзий за истину.

Поэтому я буду придерживаться именно такой версии: **в стране есть (могут или должны быть) люди, знания и ресурсы для перемен и реформ, просто они не проявлены, и потому никому не видны**. Ни тем, кто заинтересован в реформах, ни тем, кто их боится и не хочет. Если руководствоваться такой гипотезой, то вопросы могут ставиться таким образом:

- Каким образом эти потенциальные агенты перемен могут проявить себя?
- При каких условиях они могут перейти из пассивного состояния в активное?
- Как будут строиться их отношения с властью — с одной стороны, и с обществом — с другой?
- Насколько можно быть уверенными в том, что пробудившаяся активность приведет к переменам в лучшую сторону и перемены не пойдут по тому пути, который мы рассматриваем как негативный на опыте соседних Украины и России?

- Можно ли контролировать пробудившуюся активность и как? Не выльется ли эта активность в неуправляемую стихию?
- Насколько справедливым будет распределение благ, преимуществ и бонусов в обществе, если перемены все же принесут позитивные результаты?

Эти или похожие вопросы обязательно встанут перед каждым, кто задумается о практическом реформировании страны.

И снова, перед тем как начать искать ответы на поставленные вопросы, придется разбираться с новым набором иллюзий, которые мешают всерьез рассматривать трансформацию и перемены в Беларуси. Эти иллюзии являются прямым наследием марксистско-ленинского мировоззрения, которое вбивалось в сознание людей советским образованием и оставалось по умолчанию в постсоветском образовании, поскольку реформы содержания образования не было ни в Беларуси, ни в соседних странах.

Одним из марксистско-ленинских принципов в отношении перемен, реформ и революций является формула «верхи не могут, низы не хотят». Эту формулу рано или поздно вспоминают все, кто начинает обсуждать реформы и перемены в стране: и интеллектуалы, и крестьяне, и левые, и правые, и революционеры, и консерваторы.

При этом никто не уточняет, чего именно не могут верхи, чего не хотят низы. Не говоря уж о том, чтобы инвентаризировать, а что же могут верхи и чего хотят низы. Чего не могут верхи, но хотят, чего не хотят низы, но могут ли хоть что-то?

Ленинская формула абсолютно манипулятивна, она позволяет всем хотеть, чего угодно, и ничего при этом не мочь. Но основная проблема в том, что в эпоху глобализации (постмодерна, в обществе потребления или какие бы еще не предлагались наименования для современности) само разделение на низы и верхи принципиально меняется. Низы и верхи сохраняются, но наполняются совсем иным содержанием, границы между ними становятся мягкими и размытыми.

Классовое деление общества по отношению к собственности на средства производства сохраняется во «втором» и «третьем» мирах, и в Беларуси все еще имеет значение. Но деление на класс собственников (верхи) и эксплуатируемые классы (низы) уже давно не совпадает с делением общества на богатых и бедных. Собственность и богатство вовсе не автоматически предполагают власть. Причем в странах «первого», «второго» и «третьего» миров собственность, богатство и власть распределены в обществе по-разному, в «первом мире» наибольшее значение в этом распределении приобретают знания и компетентность, в «третьем мире» знания и компетентность по-прежнему имеют минимальное значение.

Для совершения самых малых перемен в любых масштабах (семьи, фирмы, местного сообщества, города, страны и т.д.) нужна концентрация власти, финансов или разнообразных

ресурсов, права собственности на подлежащий изменениям объект, знаний и компетенций и, естественно, желание что-то менять. Если же все это (власть, финансы и ресурсы, права собственности, знания и компетенции, желание перемен) распределены между разными частями общества, то необходимо договариваться об их концентрации в одном месте, в одно время и в руках одного коллективного субъекта.

В Беларуси знания и компетенции сконцентрированы у представителей «первого мира». Желание перемен характеризует представителей «второго мира». А власть, деньги и права практически на всю собственность в стране сосредоточены в правящей клике, представляющую «третий мир» (см. таблицу 2). Причем определяющей категорией здесь является власть, которая строится на игнорировании права собственности, что позволяет экспроприировать любую собственность либо полностью, либо ограничивая возможности контроля, владения и распоряжения ею.

Таблица 2.

	«Первый мир»	**«Второй мир»**	**«Третий мир»**
Приоритеты и ценности	1) Знания и компетенции	1) Власть и насилие	1) Собственность и богатство
	2) Собственность и богатство	2) Знания и компетенции	2) Власть и насилие
	3) Власть и насилие	3) Собственность и богатство	3) Знания и компетенции
Желание перемен в стране	Неопределенность	Да	Нет
Наличие ресурсов и финансов	Распылены и не контролируются	Нет	Контролируются режимом
Политическое представительство	Нет (отдельные люди на службе в госуправлении)	Нет (имитация оппозиционных партий и движений, НГО)	Да (установившийся политический режим)

Власть в стране трудно характеризовать в политических категориях. Представители «первого» и «второго» миров не имеют политического представительства, они отчуждены от управления и от собственности. Но хуже всего то, что они никак не оформлены политически. Установившийся в стране режим декларирует социальный принцип организации государства. На языке беларусского режима это означает, что власть представляет все слои общества и не делает между ними различий, формируя предельно гомогенное общество. В некотором смысле, это

действительно так: беларусский режим не допускает самоорганизации ни в одном из сегментов или слоев общества и пытается взаимодействовать с каждым из граждан индивидуально, самих граждан режим рассматривает как подданных.

Режим обладает практически ничем не ограниченными возможностями перераспределять между подданными собственность, деньги, социальные блага и власть в виде назначения на любые должности, даже те, которые по Конституции должны быть выборными, начиная с депутатов парламента и заканчивая самыми мелкими административными должностями. Местное самоуправление ликвидировано как принцип, государственная власть распространяется до самого нижнего уровня: деревни, улицы, домоуправления. Власть режима не распространяется только на знания и компетенции, ну и, естественно, на желания и предпочтения граждан. Однако власть может использовать знания и компетенции отдельных индивидов, ангажируя их на службу или вовлекая в квазикоммерческие проекты. С желаниями и предпочтениями сложнее, но и здесь режим легко справляется с этим, ограничивая свободу слова, собраний и ассоциаций, распыляя и атомизируя носителей иных точек зрения.

Таким образом, в Беларуси сложилась распределительная система, при которой государство монопольно может перераспределять любые ресурсы, наделяя властью, собственностью, деньгами одних подданных и лишая всего этого других. Нужно признать, что делается это довольно рационально. В стране поддерживается усредненный уровень доходов во всех отраслях хозяйства, во всех слоях общества и в регионах. Частная собственность признается весьма условно, поскольку существует множество механизмов перераспределения собственности между отдельными индивидами и группами, частная собственность легко национализируется, а государственная собственность может передаваться в распоряжение отдельных физических или юридических лиц, если этих лиц необходимо ангажировать или вовлечь в какие-то программы, инициированные режимом.

Перераспределительная система включает в себя множество процессов, операций и процедур в широком диапазоне, от полностью легальных и социально приемлемых до полностью криминальных. Простейшие легальные распределительные процедуры заложены в льготах, квотах, преференциях и налогах. На другом полюсе находятся рэкет, рейдерские операции, конфискации и экспроприация собственности. Между этими полюсами располагаются цепочки откатов, искусственные банкротства, имитация тендеров и торгов, принудительное кредитование банками убыточных предприятий, изъятие местных налогов в госбюджет и его обратное распределение, элементарная коррупция и еще множество разных действий и операций. Каждая из таких операций может оформляться как сделка и сопровождаться банковскими транзакциями с соответствующей маржой и добавленной стоимостью. Таким образом в распределительных процессах образуется прибавочная стоимость, которая суммируется в показателях ВВП. В результате перераспределительная система становится похожа на обычную экономику.

Отступление. Немного о перераспределительной экономике

Перераспределительный сектор существует в любой экономической системе, даже самые либеральные рыночные национальные экономики включают в себя перераспределительные отношения. Эти отношения похожи на социалистический способ хозяйствования, но в современном мире они вписаны в структуру финансового капитализма, надстроенного над реальным сектором экономики. Страны «первого», «второго» и «третьего» миров отличаются по доле перераспределительного сектора в экономических отношениях и по тому, насколько этот сектор влияет на экономику в целом.

В странах «первого мира» перераспределительные отношения выделены в особый сектор и регулируются специальными законами и правилами, что позволяет накапливать в этом секторе большие ресурсы, используемые для обеспечения социальной стабильности, помощи странам «третьего мира» и во многом для развития образования, творчества и интеллектуального ресурса. В странах «второго» и «третьего» миров перераспределительные отношения создают классовую и социальную стратификацию по принципу доступа к каналам и процессам распределения. Вся экономика ряда стран «третьего мира» полностью зависит от перераспределительного сектора в странах «первого мира» и регулируется из этих стран. Современная версия неоколониализма построена именно на перераспределительных отношениях. Так, например, Палестина полностью обеспечивается из этого сектора. Она финансируется из ресурсов нефтедобывающих стран Ближнего Востока и из европейских фондов помощи странам «третьего мира». Противоположным примером может выступать Швеция, которая, при относительно небольших размерах, способна концентрировать большие ресурсы в перераспределительном секторе и оперирует ими во многих странах мира, от Прибалтики до самых отсталых стран Африки. Экономически развитые страны «первого мира» способствуют возникновению перераспределительных систем в странах «третьего мира» двумя способами:

1) оказывая экономическую и финансовую помощь развивающимся странам, игнорируя систему общественных и хозяйственных отношений, традиционно сложившихся в этих странах;

2) навязывая этим странам правовые формы, сложившиеся в самих развитых странах, но противоречащие обычаям и укладу жизни в странах «третьего мира».

Главной целью, которую преследуют участники перераспределительных экономических отношений, является не прибыль и финансовые показатели, а власть и контроль. Тот, кто контролирует процессы распределения, обладает властью, поскольку может покупать лояльность и услуги, содержать структуры, оплачивать те или иные процессы. Но эта власть, как и любая другая власть, всегда ограничена, причем с разных сторон:

- Она ограничена правом, законами и традициями государства, а также монополией государства на насилие. Кроме того, в современном мире возникло множество независимых от государства субъектов, культивирующих насилие как способ ограничения экономической власти (это и международные террористические организации, и квазигосударства, контролирующие территории: например, ИГИЛ, ХАМАС, «Аль-Каида», колумбийская наркомафия, «тамильские тигры», ДНР-ЛНР, Приднестровская Молдавская Республика и мн. др.).

- Она ограниченна ресурсами, вовлеченными в перераспределительный сектор и, особенно, распылением этих ресурсов. Ресурсы распределяются среди множества аппликантов, или конечных потребителей — с одной стороны. С другой стороны, аппликанты могут получать финансы, ресурсы и помощь из нескольких источников, плохо скоординированных между собой.

- Эта власть ограничена интеллектуально. Все определяется программами и стратегиями, которыми руководствуются те, кто контролирует распределительные процессы. Но зачастую перераспределение осуществляется либо совсем без стратегий и программ, либо те, кто распределяет, руководствуются абстрактными идеалистическими идеями и фантазиями. Интеллектуальные усилия аппликантов тратятся только на то, чтобы угадать желания доноров и встроиться в их приоритеты.

В Беларуси от 80% до 90% граждан страны включены в перераспределительную систему и зависимы от нее. Точнее определить, сколько граждан вовлечены в эту систему, невозможно в силу специфического устройства системы учета и контроля движения финансов и ресурсов, условности разделения собственности на государственную и частную. Независимый от государства сектор экономики все же существует. Это предприятия с долей иностранного капитала, бизнес, работающий через оффшоры или являющийся резидентом других государств, фрилансеры самых разных специальностей, мелкие предприниматели, теневой капитал. Но и эта «независимость» призрачная, поскольку она возможна только до тех пор, пока деятельность организаций, групп или отдельных людей не привлекает внимания фискальных или правоохранительных органов. Некоторая часть НГО, включенная в деятельность европейских фондов и программ помощи, незначительная часть малого бизнеса, существующая на кредиты МФК или иных международных программ, вовлечены в международную перераспределительную систему. И лишь немногие НГО способны найти нишу для независимого существования.

Сколь пагубно сказывается перераспределительная экономика на производстве, хорошо изучено на опыте социалистических стран, которые относились ко «второму миру» времен холодной войны. Распределительные механизмы не содержат в себе стимулов активизации и творчества, как у отдельных людей, так и у организаций и коллективов, они исключают конкуренцию, подавляют инициативу, порождают иждивенчество и патернализм. Эти механизмы и их негативные последствия действуют и в наше время. Но глобализация и изменения в мировой экономике создают и новые проблемы, которые в перераспределительной системе отношений проявляются сильнее и заметнее. Это можно назвать «пассивным потреблением».

Индустриализация и научно-технический прогресс во второй половине XIX века привели к появлению в системе капиталистических отношений особой позиции — предпринимателя. Предпринимательская активность, новаторство, изобретательность и творчество не могли бы

существовать без стимулирования потребления. Вместе с наращиванием индустриального производства товаров и массовой сферы услуг росла и потребительская активность. «Индустриальное общество» и «общество потребления» — это концепты, которые с разных сторон описывают и характеризуют одно и то же историческое явление — капитализм XX века.

Предприниматели, создающие новые товары и услуги, стимулируют новые потребности. Растущие потребности стимулируют предпринимательскую активность. В этих отношениях «производство—потребление» обе стороны активны, как предприниматели, так и потребители. Комплементарность отношений «производство—потребление» при обоюдной активности выступает источником и стимулом экономического развития в индустриальную эпоху. Растущие потребности и их массовый характер создавали кредитную и инвестиционную разность потенциалов в финансовой сфере, стимулировали образование инвестиционных капиталов. Инвестиционные ресурсы направлялись на опережающее индустриальное развитие, рост производства, в свою очередь, создавал новые рабочие места, которые охотно заполнялись потребителями, стремящимися заработать больше для удовлетворения своих растущих потребностей.

Такой индустриально-потребительский цикл бесперебойно обеспечивал экономическое развитие на протяжении многих десятилетий, но перестал исправно функционировать к концу XX века, и в наше время он работает только в странах «третьего мира».

Осознание и осмысление накопленных исторических изменений часто запаздывает, и в мире происходят процессы, которые плохо понимаются учеными, политиками, предпринимателями. Все понимают, что в настоящее время структура экономических и общественных отношений совсем не такова, какой она была в середине XX века. Маржинальность и прибыльность отраслей экономики теперь совсем другая, чем раньше. Знания теперь стоят намного дороже, чем сырье, ресурсы и даже сложные индустриальные технологии. Неспроста современную экономику называют «экономикой знаний». Но какова же эта экономика и каково общество, которое ей соответствует?

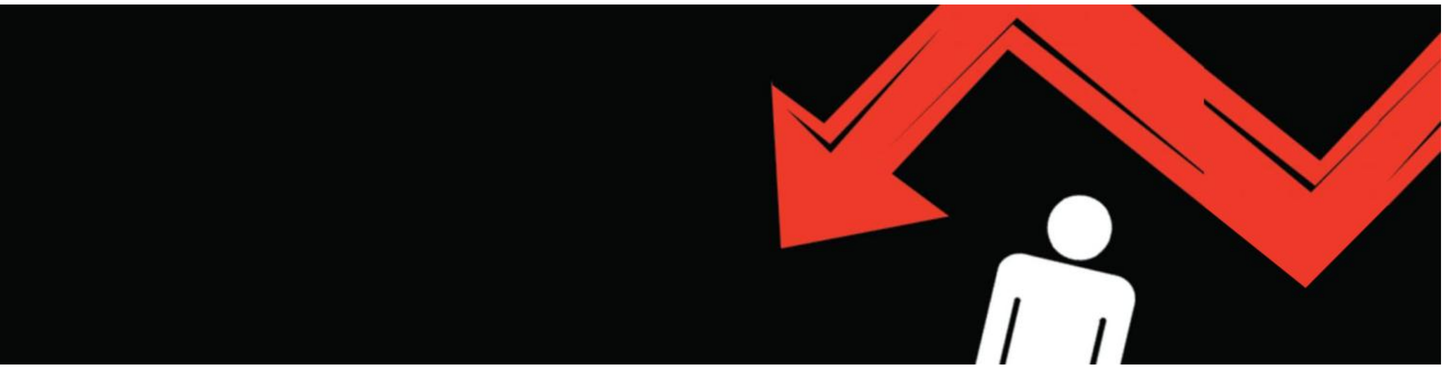
Когда нефть и металл (включая урановые и трансурановые элементы) были главными ресурсами, то главными науками, обеспечивающими работу с этими ресурсами, были химия, физика, геология и т.д. Соответственно, и инженерное знание строилось на фундаменте этих наук. Если само знание становится главным ресурсом в «экономике знаний», то на роль главной науки нашего времени могла бы претендовать «экономическая эпистемология» или ее прикладная разновидность — «эпистемическое товароведение». Пока таких наук не существует, приходится разбираться с современным миром, опираясь на старые дисциплины: философию, логику, социологию и т.д.

Еще в индустриальную эпоху не было секретом, что опережающее развитие производства ведет к снижению стоимости товаров и услуг и, в конечном итоге, к насыщению рынка, т.е. к исчезновению потребности в этих товарах и услугах. Ранний капитализм лихорадили кризисы перепроизводства, причина которых в том, что выручка от продажи товаров и услуг переставала покрывать издержки и затраты на само производство. Выходов из кризиса перепроизводства в прошлом было два или три:

1) Поиск новых рынков сбыта и захват их экономическими или военными способами;

2) Создание новых товаров и услуг и стимулирование потребности в них.

Первый выход открывал дорогу войнам, как обычным, так и экономическим, на этом пути возникал колониальный империализм. Второй стимулировал развитие науки, инженерии, технологии, предпринимательства и менеджмента.

Третий же выход состоял в отмене капиталистических отношений и рынка, в замене их социалистическими отношениями (социализм здесь следует понимать как перераспределительную экономику в индустриальную эпоху). Привлекательность социалистической идеи состояла в том, что социализм разрывал круг «производство—потребление», опосредованный свободным обменом или стихией рынка, ликвидируя, тем самым, причины кризисов перепроизводства.

Свободный обмен товарами и услугами и разность потенциалов, создаваемая быстро растущими потребностями, заменялись плановым распределением товаров и услуг в соответствии с рациональным разделом их между всеми нуждающимися. Привлекательность такого выбора не снижалась осознаваемыми проблемами, которые были очевидны с самого начала. Неудовлетворенные потребности и неравенство в доступе к товарам и услугам, удовлетворяющим эти потребности, стимулируют потребителей к экономической активности — с одной стороны. С другой стороны, наличие неудовлетворенных потребностей привлекает капитал в производство товаров и услуг. Отсюда вытекают две первые проблемы социализма:

1) Какова мотивация к работе и предприимчивости у людей, потребности которых «справедливо» удовлетворены?

2) Откуда брать инвестиции для развития производства, если удовлетворенные потребности не создают разности потенциалов и не возникает концентрации капитала?

Социализм решает эти проблемы очень просто!

Труд становится принудительным или стимулируется искусственно через идеологическую накачку населения и тенденциозное образование и воспитание детей и молодежи.

Национальные рынки закрываются от внешнего влияния и жестко контролируются планами как производства, так и потребления.

Все негативные последствия такого способа решения проблем можно наблюдать и сегодня в некоторых странах (Куба, Северная Корея, отчасти Беларусь и др.). Иногда негативные последствия маскируются благодаря огромным ресурсам, подлежащим перераспределению между членами замкнутых и закрытых сообществ. Ярким примером этого являются нефтедобывающие страны Аравийского полуострова, а также Ливия, Ирак, Иран. Запасы нефти там велики, а прибыль от торговли сырьем столь значительна, что распределение ее среди граждан этих государств создает иллюзию богатства и полного удовлетворения всех мыслимых и немыслимых потребностей. По сути же общественного устройства и принципам экономических отношений эти страны мало чем отличаются от Северной Кореи.

Длительное культивирование социалистических отношений ведет к атрофии инициативности, предприимчивости, активности у населения, без чего экономика не может развиваться. Кроме того, эти отношения сказываются и на потребительских установках. Потребление становится

пассивным. С одной стороны, потребитель требует удовлетворения своих потребностей от структур распределения (государство, социальные службы, наниматели), не умея, не желая и не будучи готовым хоть что-то делать для их удовлетворения самому. С другой стороны, потребитель привыкает к весьма низкому уровню потребностей, который позволяет ему всего лишь не отставать от окружающих и не очень выделяться.

Социалистические экономические отношения культивировались в индустриальную эпоху не только в тех странах, которые декларировали себя как социалистические (страны «второго мира» времен холодной войны), но и в рыночных странах «первого мира», хотя и по-разному. В странах «второго мира» социалистические отношения распространялись на все население тотально, в странах «первого мира» образовывались изолированные анклавы и сообщества, где действовали распределительные механизмы. Эти анклавы могли образовываться на изолированных территориях (например, индейские резервации и районы бедноты в США), сообщества могли образовываться по демографическому принципу (пенсионеры), или по социальному (т.н. «третий сектор» в целом и его отдельные целевые группы).

К началу 1990-х годов, когда закончилась холодная война и старое деление на «первый», «второй» и «третий» миры по принципу вхождения в геополитические блоки (НАТО, Организация Варшавского договор, Движение неприсоединения) потеряло смысл, именно бывшие социалистические страны Европы и анклавы и сообщества в развитых капиталистических странах стали «вторым миром» нашего времени. Население «второго мира» сопоставимо по уровню жизни, независимо от того, в какой части мира оно проживает, и характеризуется одними и теми же особенностями, которые мы можем обобщить в термине «пассивные потребители». Беларусь оказалась типичной страной «второго мира», но с консервативным правящим классом, цепляющимся за отжившие социалистические отношения, противящимся любым и всяческим инновациям и изменениям, что характерно скорее для жителей «третьего мира».

То есть Беларусь можно охарактеризовать как страну «второго мира», контролируемую и управляемую из «третьего мира». Однако такая характеристика будет справедливой только на очень высоком уровне обобщения, на уровне статистического усреднения. На таком уровне анализа следовало бы признать, что в стране нет потенциала для перемен, инноваций и развития. Но это не совсем так. На более глубоком уровне такой потенциал можно обнаружить. Обнаружить и попробовать оценить его как в количественных, так и в качественных показателях.

Прежде чем искать и оценивать потенциал перемен в Беларуси, необходимо проследить те изменения перераспределительной системы общественно-экономических отношений, которые произошли в последнее время — в период перехода от индустриальной эпохи к постиндустриальной, в эпоху складывания нового экономического уклада и экономики знаний.

Принято считать, что перераспределительная система в Беларуси является наследием СССР. Это так, но она формировалась еще и под влиянием глобализации. Одним из аспектов глобализации является принудительное распределение, возникшее в последние 20-30 лет. Компьютерные программы, мобильные приложения, как и многие современные продукты, распространяются принудительно, когда желание потребителя практически не учитывается. В 90-е годы прошлого века компьютерные программы менялись настолько быстро, что если бы они распространялись так же, как товары индустриальной эпохи, то Всемирная паутина и вся инфраструктура, на ней построенная, находились бы только на самом начальном этапе. Софт и приложения практически навязывались потребителю без его согласия.

Принудительное распределение возникло не сегодня. С появлением радио началось принудительное распределение музыкальной продукции, телевидение принудительно распространяет новости, художественный контент. Мода тоже представляет собой принудительное распределение, когда люди вынуждены приобретать не то, что им нравится или необходимо, а то, что навязано общественным мнением и законодателями мод, *haute couture* и *prêt-à-porter*. Собственно, мода и формирует то, что людям нравится, навязывает вкусы, формирует сознание. В XX веке мода стала индустрией и охватила практически весь спектр товаров и услуг: от продуктов питания и первой необходимости до предметов роскоши и избыточных услуг.

В современном мире принудительное распределение товаров и услуг распространяется не только и не столько на индивидуального потребителя, но на отрасли экономики и на все организованности инфраструктуры. Деятельность банков, транспорта, связи, даже медицины и образования невозможны без регулярного и перманентного обновления программ и стандартов.

Беларусь тоже втянута в этот процесс глобального принудительного распределения и вынуждена постоянно обновляться. Впрочем, вне этого процесса сегодня не может находиться ни одна страна, ни одно сообщество.

Различия между «первым», «вторым» и «третьим» миром пролегает в том, что:

- «первый мир» инвестирует в это принудительное распределение (и в производство того, что принудительно распределяется), потребляет все это в первую очередь, диктуя моду, и получает прибыль от быстрого распространения новых товаров и услуг в странах «второго» и «третьего» миров;
- «второй мир» просто потребляет, следуя моде и необходимости;
- «третий мир» некоторое время сопротивляется потреблению инноваций, и они проникают в него не просто принудительно, но контрабандой и по серым схемам, поэтому в «третьем мире» не удается даже получать доход от налогов с продаж принудительно распределяемых товаров и услуг.

Социально-экономическая модель Беларуси представляет собой гибрид социализма прошлого века с системой современного принудительного потребления.

Но процессы распределения не одинаково представлены в разных экономических нишах.

Беларусская индустрия, сельское хозяйство, коммунальное хозяйство, медицина, образование архаичны и очень мало изменились со времен СССР. Но культура, сфера духовного потребления, наука сформированы влиянием глобализации и принудительного распределения.

Кино, литература, музыка, дизайн, кухня, научные темы и проблемы — все это импортируется в Беларусь. И не просто импортируется, но еще и не беларусскими поставщиками и дилерами. А поскольку емкость беларусского рынка весьма незначительна, то все это импортируется сюда через рынок России, чему способствует не только общее прошлое, но и общность языка, что для культурного и духовного потребления является определяющим фактором.

В результате мы получаем не то, что хотим и ищем, но то, что к нам доносится другими. Мы получаем это все с большим опозданием, а для нашего динамичного времени опоздание в потреблении инновационных или просто модных товаров и услуг всего лишь на год означает полное отставание и выпадение из мира. Мы получаем инновационные и модные товары и услуги из вторых рук.

Вернемся после отступления к положению дел в Беларуси

Внешне Беларусь мало чем отличается от соседних европейских стран и регионов. Везде есть регионы беднее или богаче, жизнь в одних местах меняется медленнее, в других — быстрее. Никто не видит в Беларуси развитую страну, но она видится мало отличающейся от некоторых регионов в самых развитых странах.

Только если попытаться взглянуть на Беларусь целостно и в динамике, то можно обнаружить систематическое запаздывание всех процессов. Все процессы в Беларуси происходят как эхо, как рефрен, как запоздавший повтор того, что происходит в других частях мира.

Это было явно видно еще в последние годы существования СССР. В Беларуси начались демократические процессы через год-два после того, как они достигли кульминации в соседних регионах. Народный фронт был создан после того, как такие фронты образовались в трех странах Балтии, Украине, Грузии и еще где-то. Первый парламент независимой Республики Беларусь был избран только на четвертый год независимости, когда в соседних странах уже дважды поменялся состав парламентов. И так далее — можно продолжить перечень запаздываний до сего дня. В некоторых аспектах мы не просто запаздываем, но вообще ничего не делаем: например, в стране нет частной собственности на землю, что делает всю остальную собственность только условно частной, мы последняя страна в Европе, где сохранилась смертная казнь, нет омбудсмена и института защиты прав человека, мы единственная европейская страна, не вступившая в Совет Европы.

Все, что происходит в стране, уже где-то было, все, что делается, — это повторение уже кем-то сделанного, все, что строится, — копия уже построенного. Страна *second hand*. Но такое положение и состояние дел — только следствие специфического соотношения процессов производства и потребления в их общественно-экономическом и политико-идеологическом

смысле. Вот это соотношение мы и рассмотрим как каркас и фундамент всего, что представляет собой современная Беларусь. Но рассматривать соотношение производства и потребления будем не само по себе, а в нескольких конкретных рамках:

- в рамке политического и социального устройства общества, возникающего на таком каркасе и фундаменте;
- в рамке поиска и оценки ресурсов и факторов социально-политических и экономических перемен;
- в рамке поиска агентов перемен и распределения населения Беларуси на представителей «первого», «второго» и «третьего» миров.

Увы, за такими рамками рассмотрения останется культура (в узком смысле этого термина), история, менталитет и т.п. В силу конспективности и лапидарности избранного способа рассуждения, мне придется характеризовать положение дел в стране конспективно и категорично. Это значит, кроме всего прочего, что категоричные тезисы не могут быть справедливыми на 100%, они характеризуют типичное в объекте рассмотрения, т.е. могут быть справедливыми максимум на 70-80%. Оставшиеся 20-30% нас будут интересовать как искомый ресурс перемен, как та часть общества, в которой можно обнаружить агентов перемен и энергетику для их осуществления. Такое процентное распределение весьма условно, для точности было бы необходимо разработать специальную программу междисциплинарных исследований, для чего сейчас нет ни времени, ни ресурсов, ни специалистов.

В общем и целом, беларусское общество — это общество потребления, застрявшее в индустриальной эпохе.

Производственная подсистема беларусского хозяйства состоит из того, что досталось от Советского Союза и добавок, созданных в процессе адаптации к новым глобальным процессам. Индустрия, промышленность, агропроизводство, система образования, другие отрасли хозяйства в Беларуси создавалась по планам, написанным в Москве, и вся производственная подсистема работала на потребление, распределенное по всему СССР.

Что нужно понимать про эту систему? Это то, что она создавалась по планам извне, инвестиции (капитальные вложения, как это называлось в СССР) приходили извне, продукция вывозилась и потреблялась вовне, поэтому индустрия Беларуси обозначалась метафорой «сборочный цех Советского Союза». Это значит, что во всей индустрии Беларуси не было предпринимателей и хозяев, не было финансистов и финансовых технологий высокого уровня, а только финансовое сопровождение, не было никакого маркетинга. То есть не было одной из основных социальных групп, обеспечивающих развитие. Весь персонал огромной индустрии состоял из исполнителей разной квалификации. Такое же положение дел было и в системе госуправления в целом.

После развала СССР сменился собственник всех предприятий индустрии, но тип собственника остался прежним, одно государство сменило другое. Причем новый собственник был гораздо слабее предыдущего в силу отсутствия кадров, способных ставить цели и решать проблемы. Беларусская индустрия оказалась в тяжелой ситуации, когда «разорваны связи», т.е. потеряны рынки сбыта, которые в распределительной системе хозяйства контролировались центральными московскими структурами. Все, что смог создать новый собственник (госаппарат Республики Беларусь), — это дилерская сеть, пришлось наладить и отстроить систему распространения экспортной продукции беларусских предприятий. Но, создав дилерскую сеть, чиновники не смогли создать полноценного маркетинга для беларусской промышленности, во всяком случае, в той части, которая касается исследований рынков, проблем и запросов потребителей.

Таким образом, все индустриальное производство в Беларуси почти 30 лет остается без программ и стратегий развития, без серьезных инвестиций, без обновления.

Подсистема потребления в стране тоже была завязана на союзные отношения. Большая часть потребляемых в стране товаров и услуг производилась в других частях СССР. Казалось бы, вместе с дилерской сетью распространения беларусских товаров за рубежом, возникла необходимость создавать параллельную дилерскую сеть для импортных товаров и услуг. Но это было совершенно невозможно по двум причинам.

Первая уже названа: это полное отсутствие социального слоя, из которого могли бы появляться предприниматели такого уровня, инвесторы и финансисты, маркетологи, умеющие оценивать потребности и емкость внутреннего рынка. В результате беларусский рынок потребления стал придатком к российскому. Все дилерские сети, логистические центры, инфраструктура дистрибьюции были созданы нерезидентами, и их создание сильно запаздывало, по сравнению со странами-соседями.

Вторая причина состояла в заниженных потребностях населения. Многолетняя привычка пассивного потребления формирует низкие запросы и ограничивает потребительскую фантазию. Рынок товаров массового спроса формируется дилерами, чаще всего, российскими, частично новые товары завозятся индивидуально или мелкими торговцами из Литвы и Польши. Поэтому весь потребительский рынок Беларуси характеризуется отставанием на несколько лет. Для иллюстрации можно проследить рынок мобильной связи, которую принесли в Беларусь за два-три года две иностранные компании. Этот рынок типичен для современных инноваций, потому что совмещает в себе услугу, требующую инвестиционноемкой инфраструктуры, плюс — товар, или гаджет, который бесполезен сам по себе, без дорогостоящей инфраструктуры услуг. Другим примером может выступать *IKEA* с ее огромным ассортиментом дешевых товаров, для дистрибьюции которых нужна обычная логистика, но которые до сих пор доступны беларусским потребителям только через интернет-торговлю или возятся «челноками» из Вильнюса, Варшавы и Москвы.

Заниженный уровень потребностей до сих пор характерен для населения Беларуси, живущего в «третьем мире». Кроме того, эта часть населения характеризуется низкой покупательной способностью. Низкая покупательная способность не вызывает недовольства или протеста именно по причине незначительности запросов. Большая часть потребностей этих людей удовлетворяется через систему распределения, рассчитанного на пассивное потребление.

Это обстоятельство следует обязательно учитывать, поскольку оно является социалистическим вариантом «безусловного дохода», с которым теперь пытаются экспериментировать некоторые страны «первого мира».

Дело в том, что платежеспособность беларусских потребителей обеспечивалась работой большинства населения на предприятиях в государственном секторе. Эти предприятия, помимо планов по выпуску продукции, имели планы по обеспечению занятости населения. Их в незначительной степени интересовала производительность труда, эффективность персонала. Поэтому значительная часть «заработной» платы являлась скорее социальными выплатами, которые лежали на бюджетах отдельных предприятий, но выделялись им из государственного бюджета, в который они отправляют свои доходы. Никакой связи между доходами от продаж выпускаемой продукции и дотациями из госбюджета на госпредприятиях государственной собственности не было, но зато была прямая связь с количеством персонала. Это вело к тому, что значительная часть персонала получала «безусловный доход». Этот «безусловный доход» является совершенно не очевидным. Ни один работник не знает, получает ли он заработанные деньги или же пособие. А такое незнание, в свою очередь, ведет к тому, что мотивация падает у всех без исключения, и все относятся к зарплате, как к пособию или «безусловному доходу».

Неэффективность предприятий государственной формы собственности давно доказана экономистами, известна практически всем в странах бывшего СССР. Но нас сейчас интересует не экономическая эффективность, а антропологические последствия этой многолетней практики. Они состоят в том, что среди персонала в государственном секторе экономики практически нет самостоятельных и ответственных людей. Все, кто встроен в подсистемы рутинного производства и пассивного потребления, либо вынуждены приспособиться к нему, снимая с себя ответственность за последствия своих действий и подавляя собственную активность, либо вытесняются из них. Вопрос только в том, куда они могут быть вытеснены.

Строго говоря, «безусловный доход для всех» логически невозможен. В Финляндии, Швейцарии, Канаде или в других странах, где предполагаются эксперименты с «безусловным доходом», сохраняется, как минимум, одно условие — проживание на территории муниципального образования, где проводится эксперимент.

В Беларуси (как и в СССР) незаработанная часть зарплаты выплачивалась только тем, кто был закреплен за неким «рабочим» местом. Предприятие было не только местом производства чего-то, но и инструментом распределения «безусловного дохода». В последние годы Советского Союза распределение принимало натуральные формы, люди получали не столько деньгами, сколько товарами и услугами, причем не обязательно дефицитными, но и товарами повседневного спроса и обычного потребления (карточная или талонная система). Сейчас это уже не практикуется, но принцип остался тот же.

Потеряв привязку к производственно-распределительным комплексам, каковыми были советские предприятия, люди попадали в пространство полной неопределенности, в котором не умели жить и зарабатывать. Им приходилось искать формы жизнеобеспечения, которые не соответствовали их прежнему образу жизни, приобретенным квалификациям и компетентностям, накопленному социальному капиталу. Они могли найти такие формы в сфере мелкой розничной торговли, в сфере услуг. Но даже те, кто смог встроиться в эти сферы, мечтали вернуться к привычным формам жизни.

Весь малый бизнес в Беларуси создан и состоит из людей, вытесненных из госсектора. Большая часть этих людей считает свое пребывание в малом бизнесе жизненной неудачей и живет с этим ощущением неудачников.

В годы независимости в Беларуси начали действовать западные фонды, начала складываться система европейских НГО. Долгое время эта система принималась за формирующееся гражданское общество. Но по факту это была еще одна перераспределительная система, построенная на несколько иных принципах, но, по существу, очень похожая на советские предприятия. НГО оставляли функции целеполагания европейским фондам или партнерам, становились простыми исполнителями или оказывали услуги международным организациям, которые сами ставили цели, определяли способы их достижения и платили за работу, независимо от достигнутых результатов.

В итоге «третий сектор», или система НГО, уподобился организациям «первого сектора», стал зависимым не от бюджета беларусского государства, но от европейских фондов.

Таким образом, мы можем отнести всех работающих в государственном секторе экономики, в малом бизнесе и в «третьем секторе» к людям «третьего мира». Они не являются агентами перемен и не могут ими быть.

Остается средний и крупный частный бизнес, университеты и научные учреждения, лица «свободных профессий». В этих секторах занята значительная часть населения Беларуси, но сама занятость там не только не делает этих людей агентами перемен, но даже не гарантирует отношения к переменам по типу представителей «первого мира».

Большая часть занятых в частном секторе экономики — это наемные работники. По своим установкам эти люди мало чем отличаются от наемных работников на госпредприятиях. Может быть, они более конкурентоспособны, более квалифицированы и легче обучаемы. В наших рамках нас могут интересовать только владельцы частного среднего и крупного бизнеса и топ-менеджмент. Это очень незначительная группа людей, частично самоопределившаяся в «первом мире» и ведущая космополитический образ жизни.

Академическое университетское сообщество и научные работники могут рассматриваться как один тип. Советская наука и университеты строились по принципу предприятий государственного сектора, и в Беларуси они практически не изменились. Незначительная часть ученых и преподавателей, имея высокую квалификацию, знание языков, готовность к мобильности, эмигрировали из страны, оставшиеся в Беларуси тоже могут быть отнесены к представителям «первого мира». Но большая часть, принимая ценности «первого мира», не имеет возможности встроиться в глобальные процессы. Они скорее составляют группу представителей «второго мира», и именно из этой немногочисленной группы населения страны формируется оппозиция, как партийная, так и пассивная неорганизованная. Доля людей с учеными степенями, имевших в своей биографии значительный период работы в науке или в университетах, в оппозиционных структурах довольно высока.

Остаются студенты и молодежь. Молодежь (в первую очередь, университетская) в предшествующую эпоху во многих странах составляла главный ресурс перемен. Но не в Беларуси. Это обстоятельство нуждается в объяснении. Пассивность беларусской молодежи удивляет многих наблюдателей, но исследований этого явления крайне мало, а удовлетворительной интерпретации практически нет. Предварительно можно предложить следующие интерпретации:

- Беларусские студенты в большинстве своем происходят из семей с установками «третьего мира» и заражены пассивностью уже с детства;
- Большинство активных студентов ориентировано на эмиграцию из страны, учебу и работу за границей, поскольку не видят возможностей самореализации в Беларуси, поэтому все происходящее в стране их мало занимает, а отвлекаться на общественную активность — противоречит их карьерным устремлениям;
- Сама организация университетов и высшего образования в Беларуси такова, что адаптация к ней заключается в принятии заниженных потребностей и пассивности;
- В университетах нет самоуправления, у студентов нет общественной жизни;

- Ну и последний момент связан с процессами глобализации, влиянием интернет-коммуникации, социальных сетей, компьютерных игр и т.д., характерных для стран «третьего мира». Это выражается в неумении читать, анализировать информацию.

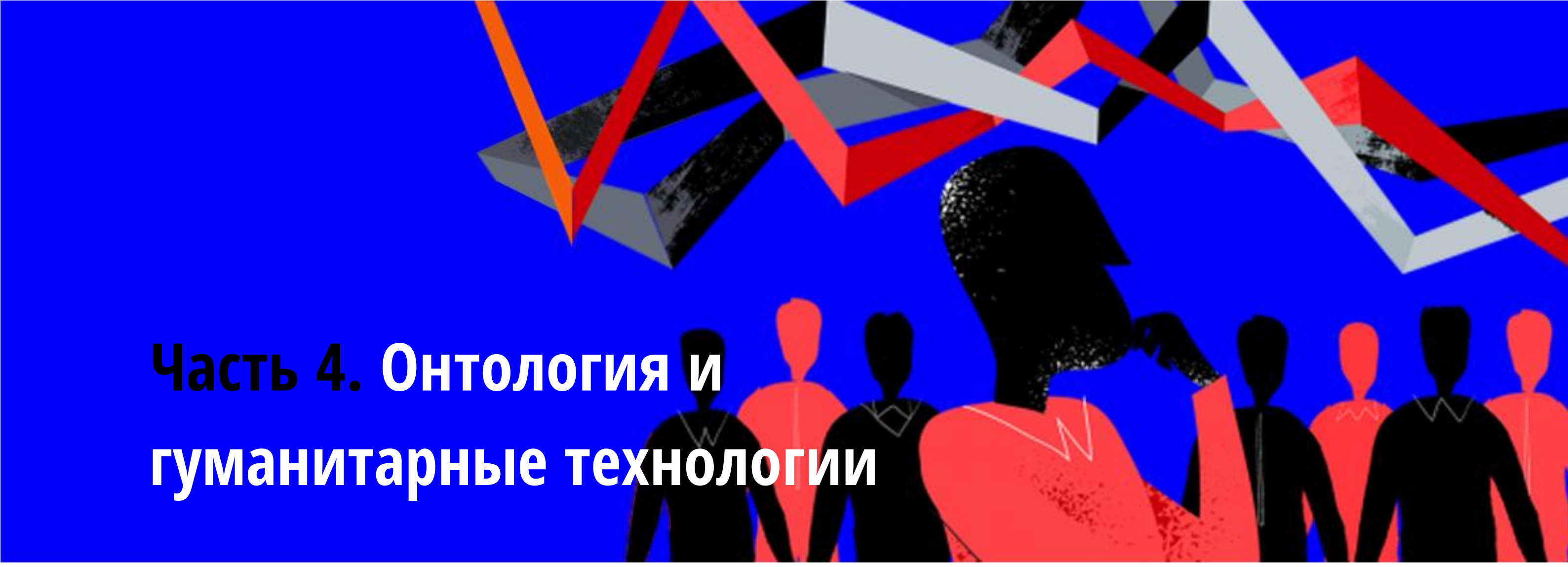
Как бы там ни было, молодежь рассматривается как возможный ресурс для перемен, но пока только потенциальный.

Еще остаются лица «свободных профессий», писатели, художники, деятели культуры, фрилансеры в самых разных областях. С одной стороны, представители этой группы населения, будучи довольно активными, предельно индивидуалистичны и стараются держаться в стороне от любых организованных форм общественной жизни. С другой стороны, сфера культуры тоже может быть описана в отношениях производства—потребления.

Культурное производство завязано на потребление не меньше, чем производство обычных товаров и услуг. При низких культурных запросах публики художники оказываются в маргинальной позиции, в особой изолированной богемной среде или во «внутренней эмиграции».

Впрочем, потенциал для перемен и реформ может встречаться в самых разных секторах и сферах деятельности. В Беларуси живут такие же люди, как в любой другой стране мира, и региона Восточной Европы. Проблема не в отсутствии потенциала, а в связности и организованности людей, в том, как потенциальное сделать актуальным.

Это действительная проблема, она не решается простыми усилиями, экстенсивными и интенсивными мерами. Это онтологическая проблема, которая упирается в выбор объекта, на который должны быть направлены усилия, который подлежит анализу, проектированию и программированию. Прежде всего, каждый, кто ищет потенциал для перемен и реформ, должен ответить себе на вопрос, с каким объектом ему следует иметь дело, осуществляя этот поиск. К огромному сожалению, беларусские реформаторы не занимаются онтологической работой, не умеют этого делать и даже не знают о том, что такая работа существует и ею можно и нужно заниматься.

Часть 4. Онтология и гуманитарные технологии

Область определения проблемы

Онтология описывает устройство мира, мира таким, каким его видят философы, это картина мира. Такое место онтология издавна занимала в системе философских дисциплин. Но такое представление уже давно устарело, во всяком случае, после Эдмунда Гуссерля и особенно после Яакко Хинтикки. Кому может быть интересна одна картина мира, если человечество научилось строить картины множества миров, у каждого из которых своя семантика.

Современная онтология занимается построением картины объекта в том или ином научном предмете, в той или иной сфере деятельности, того объекта, к которому возникает познавательный или прагматический интерес. В прошлом философская онтология тоже строила картины объектов, отвечая на вопросы: «Что есть человек?», «Что есть право?», «Что есть государство, политика, природа?» и т.д. Но методологический поворот в современном мышлении требует иной постановки онтологических вопросов.

Сегодня никто не возьмется отвечать на вопрос «Что есть *А*?» просто и прямо, поскольку современная методология, инженерия, а вслед за ними — наука и философия, уже не так наивны, чтобы думать, что на такие вопросы существует один единственный правильный ответ. Более точной и адекватной является другая постановка онтологического вопроса: «Каким должен быть объект нашей практики, если мы решаем такую-то проблему?». Современная онтология оставляет всему в мире и самому миру право быть и оставаться кантовской вещью-в-себе. Объектом же в современной онтологии и методологии становится то, что мы строим как объект в рамках той или иной деятельности и практики. Поэтому онтологической работе предшествует проблематизация.

Проблема позволяет поставить задачу. А задача, в свою очередь, формулирует область определения или существования объекта, на котором она решается.

Рамки проблемы, которую нам необходимо решать, заданы реформами и изменениями в стране. Самым простым образом это можно сформулировать так: **«Нам нужны реформы в Беларуси!»**.

Кому это «нам», кто это «мы»? Мы — это те, кому нужны реформы в стране, а поскольку они нужны нам, то мы об этом и говорим. Те, кто это говорит, читает и обсуждает, и есть «мы».

Странное рассуждение, которое не могло бы быть признано легитимным в академическом сообществе еще в XX веке, да и сейчас, наверняка, вызовет массу протестов. Между тем, такое рассуждение является самым правильным в данной ситуации и вызывает следующий вопрос: «Если мы — это те, кому нужны реформы, то знаем ли мы, какие именно реформы нас устроят, каких реформ мы хотим, и кто такие мы?».

Такой вопрос уже привычнее, он восходит к старой философской максиме: «Познай самого себя!». И, познавая самих себя, реформаторы должны самоопределиться, найти себя в мире, определить себя в мире. Следуя предшествующему рассуждению о трех мирах, реформаторы обнаруживают свое место во «втором мире».

Мы — это те, кто жаждет реформ, но не имеет знаний и компетенций, ресурсов и финансов для их осуществления. Ресурсы, финансы, знания и компетенции есть в «первом мире». Но представители «первого мира» не стремятся к реформам, они интересуются совсем другими вещами и смотрят совсем в другую сторону.

Таким образом, первый объект, на котором может или должно быть сконцентрировано наше внимание, — это **люди**. Мы сами и иные, представители других двух миров.

Что мы знаем о себе и об иных?

К тому, что сформулировано выше в таблице 2, стоит добавить разницу в масштабах жизненного мира представителей трех миров (см. таблицу 3).

Жизненное пространство — пространство, на которое распространяются интересы представителей «первого мира» — глобально, это вся планета и все человечество. Представители «второго мира» живут в страновом масштабе, а представители «третьего мира» — в локальном. Разница масштабов определяет разное отношение к событиям, явлениям, действиям и поступкам. Точно так же по-разному представители трех миров воспринимают друг друга.

Люди «второго мира» упрекают людей «первого мира» в отсутствии патриотизма, в отсутствии интереса к своей стране и к политике. А люди «первого мира» отмечают чрезмерную зависимость людей «второго мира» от политики, власти, общественных институтов. Они не понимают, почему, вместо того, чтобы самим решать свои проблемы и строить свою жизнь на собственных принципах и собственными усилиями, люди «второго мира» возлагают ответственность на социальные институты, на государство и ждут от них решения собственных проблем.

Люди «второго мира» слишком большое значение придают власти и насилию, отсюда их повышенный интерес к электоральному большинству, которое составляют люди «третьего мира». В борьбе за симпатии электорального большинства представители «второго мира» очень озабочены интересами представителей «третьего мира», слишком заботятся о локальных проблемах, об удовлетворении заниженных потребностей людей «третьего мира» и игнорируют потребности людей «первого мира», поскольку те составляют меньшинство — с одной стороны, и не очень озабочены какими бы то ни было проблемами, поскольку сами их решают без участия властей, социальных и политических институтов — с другой стороны.

Таблица 3.

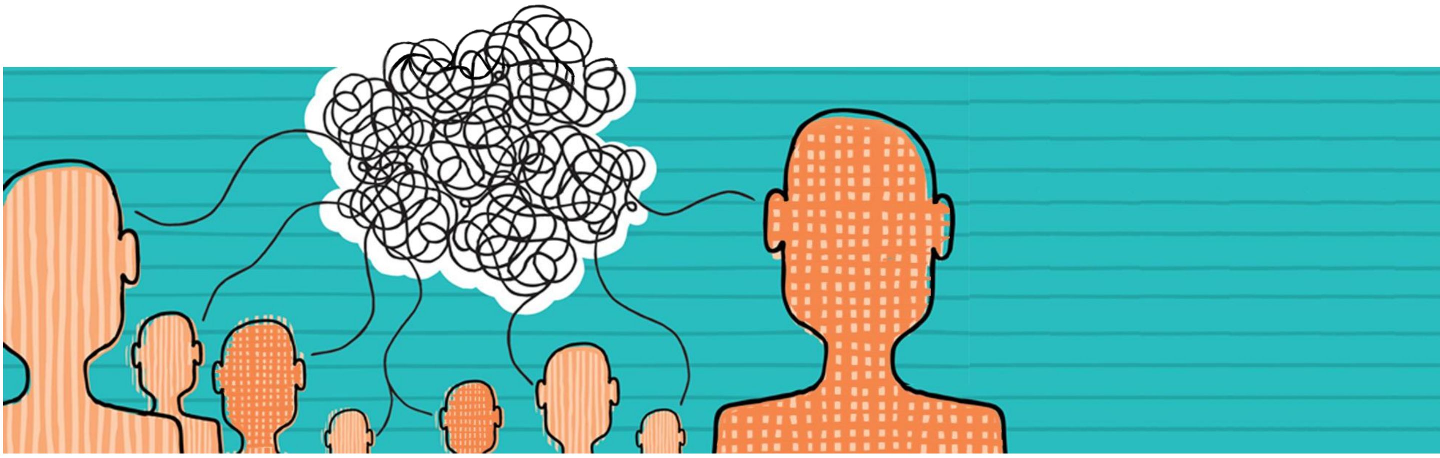
	«Первый мир»	**«Второй мир»**	**«Третий мир»**
Приоритеты и ценности	1) Знания и компетенции	1) Власть и насилие	1) Собственность и богатство
	2) Собственность и богатство	2) Знания и компетенции	2) Власть и насилие
	3) Власть и насилие	3) Собственность и богатство	3) Знания и компетенции
Желание перемен в стране	Неопределенность	Да	Нет
Наличие ресурсов и финансов	Да	Нет	Нет
Масштаб жизненного мира	Глобальный	Страновой	Локальный
Участие в политической жизни	Сервильное, по заказу и приглашению	Активное	Пассивное
Отношение к идеологии	Познавательное и несерьезное	Чрезмерно серьезное и некритическое	Эгоистическое
Потребление	Опережающее, поисковое	Запаздывающее, подражательное	Принудительное

Однако было бы ошибкой ограничиваться в поисках потенциала реформирования и изменений только одним объектом — человеком, или людьми. Эта ошибка весьма распространена, почти по формуле: «Есть человек — есть проблема, нет человека — нет проблемы». Проблема не в людях, а в системе отношений людей и их взаимодействия друг с другом.

Как говорил когда-то Мартин Хайдеггер, чтобы понять сущность человека, нужно отвернуться от человека. Отношения между тремя мирами не сводятся к отношениям людей, представляющих эти миры. Миры заданы не людьми, а картинами миров, которые разделяются людьми, эти миры представляющими.

Причем люди «первого мира» считают представителей «второго» и «третьего» миров такими же, как они сами, только неудачниками и лузерами, они видят ошибки и заблуждения иных, как если бы это были ошибки и заблуждения в одной и той же картине мира. Но в иной картине мира это вовсе не ошибки и не заблуждения.

У людей «второго мира» несколько иное отношение. Они не придают большого значения своей картине мира, а пытаются реконструировать картину мира людей «третьего мира» и руководствуются в своей деятельности этой чужой картиной мира. Они защищают и отстаивают не свои интересы, а интересы тех, на чью поддержку и ресурсы надеются в реализации своих неозвучиваемых интересов. Мало того, что в «третьем мире» нет ресурсов, но еще и надежды на его поддержку тщетны. Понимания между представителями «второго» и «третьего» миров не возникает, поскольку одни хотят перемен, а другие их отвергают на сознательном уровне, хотя и не сопротивляются им, а пассивно приспосабливаются.

Отсюда мы можем выделить второй объект нашего интереса в поисках потенциала реформ и изменений — **коммуникацию миров и взаимодействие их между собой**.

И основная проблема в этой коммуникации состоит в том, что внимание представителей «второго мира» направлено в противоположную сторону от тех, с кем им необходимо вести коммуникацию.

На уровне обывательской идеологии эту проблему часто формулируют как противостояние глобализма и антиглобализма. Процесс глобализации — это то, чем живет «первый мир», тогда как «второй мир» заражен антиглобализмом. В своих радикальных формах антиглобализм скатывается к автаркии и локальности «третьего мира», но в умеренной форме антиглобализм выражается в стремлении «второго мира» получить доступ к преимуществам глобального мира с его ускоренными инновационными процессами. «Второй мир», находясь в догоняющей позиции, не просто опаздывает в потреблении и освоении инноваций, но еще и видит в представителях «первого мира» своих конкурентов, оппонентов и даже врагов.

Но синхронизироваться с процессом ускоренного развития представители «второго мира» могут только во взаимодействии с представителями «первого мира» при объединении человеческих ресурсов, знаний и компетенций «первого» и «второго» миров.

А этого объединения усилий и ресурсов, этого взаимодействия миров как раз и нет. То есть оно есть в тех странах и регионах, которые живут по принципам и установкам «первого мира», и нет там, где правила игры, принципы проведения политики определяются непоследовательной идеологией представителей «второго» или (и особенно) «третьего» миров.

Проблема Беларуси в том, что, желая перемен и реформ, представители «второго мира» ищут опоры в «третьем мире», не выстраивая отношений с «первым миром», игнорируя представителей «первого мира», обитающих в нашей стране, но живущих глобальными интересами.

Таким образом, мы выходим на третий объект, к которому должно быть обращено повышенное внимание, если мы хотим обнаружить в стране потенциал реформирования и перемен, — **глобальные процессы, проблемы и задачи**.

Ошибка всех политических деятелей, партий и субъектов в Беларуси в том, что мы пытаемся решать свои страновые национальные проблемы, не участвуя в решении общемировых глобальных проблем.

Итак, мы можем в первом приближении зафиксировать три объекта, или три онтологических действительности, не разобравшись с которыми мы не сможем найти потенциал реформирования в нашей стране и, тем более, не сможем запустить и провести необходимые реформы:

1) **Антропологическая действительность**: люди, человеческое сознание, установки, идеология и картина мира;

2) **Коммуникация и взаимодействие между представителями разных миров, или носителей разных картин мира**;

3) **Собственно картина глобального мира и глобальные проблемы современности**.

Анализировать объекты в этих действительностях необходимо не в познавательной установке (выясняя, «как он есть на самом деле», независимо от наших целей и намерений), а в деятельностных рамках. Люди, коммуникация и картина мира нам нужны в рамках возможности и реальности реформ и перемен в стране.

То есть если мы хотим реформ и перемен, то нам совсем не безразлично:

- С каким человеком, с какими людьми в стране мы имеем дело? Меняются ли люди в Беларуси, и если меняются, то в какую сторону? Возможно ли влиять на скорость и направление этих изменений?

- Как устроена общественная, политическая и личная коммуникация в Беларуси между различными участниками общественно-политического процесса? Какие факторы влияют или могут повлиять на характер и структуру этой коммуникации?

- Какой должна быть картина мира современного человека, чтобы обеспечивать ему полноценное участие в глобальных процессах? Какая картина мира позволяет планировать, проектировать и программировать индивидуальную и общественную деятельность так, чтобы успевать в эпоху ускоренного развития и инноваций?

С каждым из трех названных объектов необходимо работать, и эта работа в Беларуси делается. Правда, делается очень малыми силами и в замкнутом пространстве, не будучи востребованной ни обществом, ни отдельными субъектами, даже стремящимися к реформам и преобразованиям в стране.

В одной статье невозможно привести наработки Агентства гуманитарных технологий[1], Международного консорциума «ЕвроБеларусь»[2], Центра европейской трансформации[3] и Летучего университета[4] в полном объеме, хотя именно в них комплексно прорабатываются основные проблемы во всех намеченных направлениях.

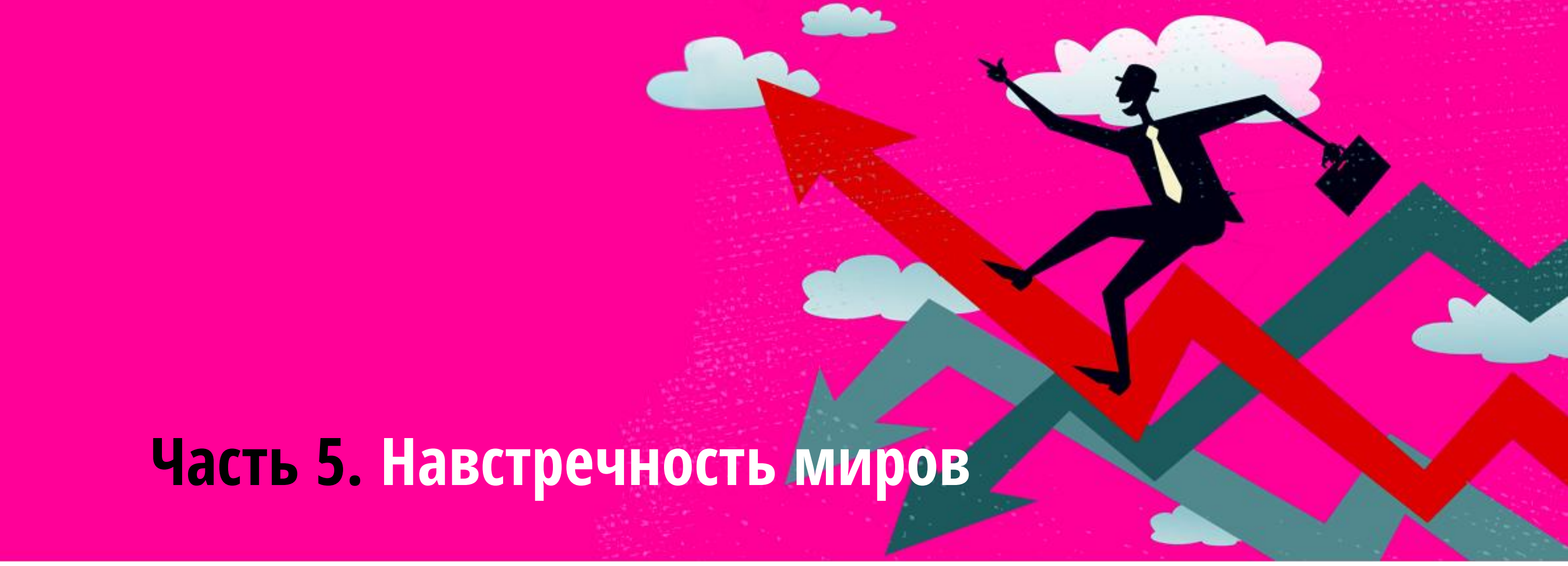
В рамках этого текста мы сосредоточимся только на проблемах коммуникации между «первым» и «вторым» мирами и на организации конструктивного взаимодействия между ними.

[1] **Агентство гуманитарных технологий** (АГТ) — неформальный философско-методологический кружок, объединяющий коллег и учеников философа и методолога Владимира Мацкевича, в рамках которого ведется совместная работа по развитию концептуальных и методологических идей программы культурной политики для Беларуси и гуманитарных технологий, см.: http://methodology.by.

[2] **Международный консорциум «ЕвроБеларусь»** — объединение деятелей и организаций гражданского общества Беларуси и ряда европейских стран, которые ставят целью стимулирование и поддержку проевропейского развития Беларуси как полноправного субъекта европейских отношений на всех возможных уровнях, см.: https://eurobelarus.info/consortium/.

[3] **Центр европейской трансформации** (ЦЕТ) — беларусский независимый *think-tank*, входящий в структуру Международного консорциума «ЕвроБеларусь», см.: https://cet.eurobelarus.info.

[4] **Летучий университет** — инициатива по созданию в Беларуси пространства и среды, где живет и культивируется свободное мышление, это движение к современному Университета в Беларуси и для Беларуси, см.: http://fly-uni.org.

Часть 5. Навстречность миров

Небольшое отступление о категориях и словах: «мир», «пространство», «колонизация», «навстречность», «развитие»

Слово **«мир»** затерто до полной потери смысла и значения. В значении «Вселенная» термин «мир» можно встретить только в специальных текстах, даже глобальность уже редко мыслится, когда мы слышим слово «мир». Термин «мир» все чаще употребляется с локализующими прилагательными: «детский мир», «спортивный мир», «русский мир», «арабский мир» или несовпадающий с ним «мусульманский мир». Не только в употреблении в речи мир измельчал, мир действительно стал маленьким. Наша планета стала доступной — чтобы добраться до любой точки, потребуется не более суток. Ближний космос уже освоен и поставлен на службу человеку. Энтузиасты планируют полеты к ближайшим планетам с прагматическими целями, а не просто в романтическом порыве.

Поэтому в современном значении для категории «мир» важны не масштаб и всеохватность, а самодостаточность, замкнутость, цельность чего-то самого в себе. Мир — это пространство и время, в которых есть все, что необходимо, что представляет интерес. Иной мир — все то, в чем нет нужды, к чему нет интереса. Мы можем знать, что есть другие, реальные или возможные миры, но нам от них ничего не нужно. Если только они (иные миры) не вторгаются в наш мир или мы вдруг не решим вторгнуться в чужой мир. Познавательная любознательность свойственна лишь немногим представителям человечества, а вовсе не является обязательным атрибутом человека или неотъемлемым свойством человеческого сознания, как принято думать.

«Первый», «второй» и «третий» миры тоже самодостаточны. Представители этих миров не очень интересуются другими мирами и их обитателями и не нуждаются в них, хотя и осведомлены об их существовании. Вот только жить изолированно не получается. В годы холодной войны эти миры были разделены границами, правовыми системами, идеологиями, даже «железным занавесом» и Берлинской стеной. Сейчас представители всех трех миров делят одно пространство для жизни, на всех распространяются права человека, любая информация доступна всем и для путешествия в другой мир не нужно рисковать жизнью и штурмовать Берлинскую стену (хотя возводятся и уже возведены другие стены, в других местах и с другими целями). Новым и проблемным в таком сосуществовании миров является необходимость делить одно пространство.

Категория **«пространство»** тоже слишком размыта. Пространство как понятие используется в нескольких научных дисциплинах, и в них оно дисциплинировано употребляется. Геометрия, география, астрономия, механика — там все понятно, даже если пространство риманово или анизотропное. Но когда говорят об информационном пространстве, например, то что имеется в виду? Люди могут жить в разных полушариях планеты и смотреть один телеканал, могут жить в соседних квартирах и быть подписаны на совершенно разные новостные интернет-сайты. Когда-то в информационном пространстве (информационном «пространстве»), разделявшем «первый» и «второй» миры, существовали языковые барьеры. Их приходилось преодолевать, выпуская информацию на иных языках. В ответ искусственно возводились таможенные и пограничные барьеры для печатной продукции, строились «глушилки» для радиоволн. Сегодня это почти не практикуется, но барьеры остались, и они не юридические и не языковые, это барьеры в сознании, барьеры в консциентальном или ментальном пространстве. Люди могут жить в одном географическом и информационном пространстве и при этом в совсем разных ментальных или консциентальных пространствах. Кроме того, люди разных миров по-разному обживают географическое, информационное и консциентальное пространства.

Люди «первого мира» могут считать всю планету своим домом, но действуют они все равно локально, обживают и окультуривают планету участок за участком, территорию за территорией, ландшафт за ландшафтом. Они могут и умеют делать территории и ландшафты пригодными и приемлемыми для жизни. На территории, контролируемой людьми «первого мира», возникает инфраструктура, которая делает эту территорию, это пространство крайне привлекательными для жизни, что не может не притягивать представителей двух других миров. В результате на эту территорию направлены потоки миграции из других миров. И проблема заключается в том, что представители «третьего мира» (как и «второго», хотя и в меньшей степени) могут потреблять инфраструктуру территории, но не воспроизводить ее, не обновлять. Потребляя — разрушать, приводить в негодность. Можно в качестве примера привести территорию Восточной Пруссии, районы, отнятые у Финляндии, или Зимбабве.

Миры (в контексте данного рассуждения) или культуры способны осваивать новые пространства, расширяться на новые территории. Будем считать процесс территориального расширения и географической экспансии **колонизацией**. Каждая культура, каждый из трех миров, распространяя свое влияние на новую территорию, пространственно расширяет свой мир. Древние греки, создавая колонии, эллинизировали население на занятых территориях. Европейские колонизаторы XV—XIX веков европеизировали народы на всех континентах, хотя и не везде успешно и эффективно. То же самое можно сказать о византийцах, тюрках, арабах, китайцах и других культурах, в разные века активно колонизировавших сопредельные территории.

В таких рамках колонизация — это наложение на географическое пространство информационного и консциентального. Наложение пространств одно на другое создает порой самые неожиданные эффекты. Иногда колонизаторы преобразуют ландшафты под свои

культурные и хозяйственные обычаи и нормы, тогда консциентальное пространство определяет географию. Так, европейская цивилизация теперь охватывает не только Старую Европу, но и северный континент Нового света, Австралию, Новую Зеландию, анклавы на других континентах. Иногда природа и ландшафт сопротивляются и меняют сознание пришельцев, которые адаптируются к условиям жизни на новых территориях, и тогда география определяет сознание и ментальность.

Итак:

- Областью определения трех миров, о которых здесь идет речь, является консциентальное или ментальное пространство;

- Информационное пространство — это область взаимодействия и коммуникации (или, наоборот, изоляции) миров;

- А географическое пространство, или территория совместной жизни и деятельности, может быть как местом встречи и мирного сосуществования (мульткультурализм), так и театром военных действий.

Постколониальные теории и исследования построены на неполной методологической базе. Они исходят из того, что территории «третьего мира» подвергались колонизации «первым миром», но не рассматривают все возможные типы колонизации («первым миром» — «второго» и «третьего»; «вторым миром» — «первого» и «третьего»; «третьим миром» — остальных двух миров). В постколониальной идеологии предполагается, что для «первого мира» характерна экспансионистская установка, что только у него есть ресурсы для колонизации и только перед ним стоит такая цель. Иногда все это приписывается и «второму миру». А «третий мир» рассматривается как жертва и пассивная сторона в процессах колонизации.

Возможно, что в предшествующий исторический период так и было, но времена изменились.

«Третий мир» сейчас проявляет высокую колонизаторскую активность. Это проявляется не только в миграции представителей «третьего мира» с неблагополучных территорий на территории с развитой инфраструктурой, созданной «первым миром». Это и «восстание» представителей «третьего мира» в развитых и модернизирующихся странах в информационном пространстве (не вдаваясь в подробности, можно предложить разобрать в модели трех миров ситуацию с *Brexit* и поведение электората Дональда Трампа). Это и переход исламского терроризма от тактики локальной дестабилизации и запугивания к тактике захвата и контроля территорий целых государств и регионов. И это уже не просто смена тактики, это переход к стратегическому планированию и колониальной экспансии.

Впрочем, вернемся к нашей задаче — рассмотрению взаимодействия «первого» и «второго» миров в географическом, информационном и консциентальном/ментальном пространствах Беларуси.

Можно анализировать, какой из миров контролирует каждое из названных пространств (территорию, информацию, сознание), а можно поставить вопрос проще: какой из миров может и должен определять жизнь в Беларуси как части Восточной Европы?

Можно было бы сказать, что судьбы стран Восточной Европы определяются тем, как элиты и правящий класс в каждой из стран отвечает на подобный вопрос. Те страны, в которых история XX века рассматривается как колонизация и оккупация Советским Союзом, успешнее тех стран, которые трактуют историю иначе.

То есть национальная версия истории определяет траекторию развития страны. Страны, считающие себя оккупированными Советским Союзом, насильно причисленные ко «второму миру» по версии времен холодной войны, могут видеть свое место в «первом мире» и выбрать путь развития в этом направлении. Сейчас, когда миры понимаются и трактуются иначе, оккупация как объяснительный принцип утратила свое значение. Но интенция и установка относить себя к «первому» или «второму» мирам некоторым образом наследуется и в новой системе координат.

История страны объективно связана с географией и определяется территориальным пространством. А вот версия истории располагается в консциентальном пространстве. Таким образом, пространственное мышление становится полем битвы, в которой определяется будущее страны через версию ее прошлой и актуальной истории.

Ландшафт, территория с инфраструктурой является отражением сознания людей, которые ведут хозяйство на этой территории. Это порой трудно заметить в короткой перспективе. Ландшафт и инфраструктура инертны, и людям требуются годы и десятилетия, чтобы окультурить ландшафт, развить инфраструктуру. Поэтому взглядом туриста или праздного путешественника трудно заметить зависимость ландшафта от хозяйственной деятельности и сознания людей. Южная Африка, Австралия, Калифорния воспринимаются, как будто бы всегда были такими. Это, конечно же, не так, они продукт деятельности людей, примерно такой же, как отвоеванная у моря земля в Нидерландах. Насколько ландшафт и инфраструктура на территории отражают сознание людей, хорошо видно на территориях со сложной историей: например, Аляска в сопоставлении с Чукоткой, Камчаткой и Колымой, Южный Сахалин и Курилы под контролем Японии и СССР, Восточная Пруссия после включения ее территории в СССР и Польши.

Территория Беларуси под контролем разных культур и миров принимает соответствующий вид и характер. «Страна замков» за 200 лет превращается в «страну темных хат». Страна городов с самоуправлением и магдебургским правом превращается в страну местечек, живущих натуральным хозяйством.

Я нисколько не склонен преувеличивать значение сознания в преобразовании пространства. Влияние сознания на территорию опосредовано хозяйственной деятельностью, а хозяйственная деятельность зависит от экономики, экономика же уже полтысячи лет глобализируется. Поэтому не все и не всегда зависит от сознания тех, кто хозяйничает на территории. Фернан Бродель довольно убедительно показывает в своих «мирах-экономиках», каким образом территории зависят от процессов, которые в этих мирах разворачиваются и почему хозяйство Беларуси формировалось процессами, происходившими в Западной Европе и Средиземноморье.

Люди не властны создавать залежи полезных ископаемых там, где хотят, они не могут двигать горы и моря, не могут выбирать климат и погоду. Но они могут прокладывать дороги, которые не менее важны, чем судоходные реки. Могут устанавливать таможенные тарифы, которые больше мешают торговле, чем горные перевалы. Могут создавать спрос, рождающий предложение. Люди властны над инфраструктурой, которая с развитием цивилизации и культуры, с ускорением научно-технического прогресса сопоставима по значимости с природными условиями и даже более значима.

Мы не можем переместить Беларусь к морю, но мы можем проводить политику Межморья. Мы можем наши природные условия рассматривать как препятствия, а можем как возможности. Это зависит о того, представители какого мира — «первого», «второго» или «третьего» — определяют общественное сознание нации.

Или те и другие вместе, если они устремлены навстречу друг другу. Более того, такая **навстречность** является необходимым условием развития территории. Если люди «первого

мира» отвечают за развитие и заинтересованы в нем, то люди «второго мира» отвечают за территорию и заинтересованы в ней. Людям «первого мира» все равно, где развиваться, вводить инновации и пользоваться ими, а людям «второго мира» важно, чтобы развитие происходило здесь и сейчас.

Люди «первого мира» определяются глобально, т.е. «их территория» — это вся планета, их референтное сообщество — все человечество, они являются современными номадами. Мобильность современных номадов — это не просто «легкость на подъем», не только образ жизни, это направленный поиск пространства, где возможно развитие, где с большей вероятностью возникают изменения, где они легче внедряются и распространятся. Люди «первого мира» тестируют территории на отношение к инновациям и развитию, и если территория контролируется «третьим миром», то она будет чужой для них (что такое «чужая территория» и чем она отличается от своей, что можно и чего нельзя делать на своей и на чужой территории — все это требует отдельного рассмотрения). Если территория контролируется людьми «второго мира», то все определяется тем, куда направлены устремления этих людей: на цели, ценности и идеалы «первого мира» или на ценности и идеалы «третьего мира». В зависимости от этого, территория будет развиваться. Или не будет. И не только территория, т.е. географическое пространство, но и консциентальное пространство. Вот только территориальное пространство можно контролировать в разных формах (суверенитет, собственность, насилие, разумное планирование), тогда как консциентальное пространство контролировать гораздо сложнее.

Контролем консциентального пространства во все времена занимались религия и церковь, а в XX веке — тоталитарные режимы посредством идеологии. И только в конце холодной войны консциентальное пространство стало предметом внимания политических и гуманитарных технологов. Холодная война была осознана не просто как временное мирное сосуществование двух систем (отсутствие горячей войны), но как война за сознание, или война, театром боевых действий которой является пространство сознания.

Когда холодная война закончилась, точнее — утратила актуальность, на повестку дня было поставлено глобальное **развитие**.

Развитие вышло на первый план в повестке дня после холодной войны, но не вследствие нее. Это произошло скорее по иным причинам, связанным с экологией и «пределами роста». «Римский клуб» и Аурелио Печчеи указали на исчерпаемость ресурсов экстенсивного развития той модели цивилизации, которая сложилась к 70-м годам XX века, назвали те опасности, перед лицом которых оказывается глобальное человечество.

Первоначальная реакция на доклады «Римского клуба» была консервативно-охранительной: остановить экстенсивный рост потребления, экономить ресурсы. Такая реакция вела к пересмотру ценностей прогресса и развития. Прогресс в той форме, которую он принял в индустриальную эпоху, перестал быть привлекательным, в идее развития стали сомневаться. В

начале 1990-х годов экологи и идеологи зеленого движения реанимировали ценность развития в виде новой категории — «устойчивое развитие». Эта категория противоречива сама в себе. Как развитие может быть устойчивым, если это динамика, движение? Движение требует разности потенциалов, балансирования в неустойчивом положении между возможностями и опасностями. Развитие связано с рисками, с ответом на вызовы, с высокой вероятностью ошибок и поражений. И, тем не менее, категория «устойчивое развитие» потенциальна и креативна в своей диалектической противоречивости.

Слово «развитие» так же редко используется в его понятийной форме, как и слова «мир» и «пространство». Что только ни называется развитием: и течение болезни, и созревание плода, и добавки или исправления в нормах и законах. Любое изменение может быть названо развитием. Если в цикле жизни организма от рождения до смерти развитием называют только первую часть единого процесса, а последнюю характеризуют как умирание, то в общественных системах развитием может быть названо все, что угодно, даже саморазрушение.

Развитие можно понимать и рассматривать как имманентное, т.е. происходящее по внутренним причинам самого развивающегося объекта, а можно как системное, когда развитие есть следствие связей и отношений объекта с другими объектами, с метосистемой, в которой объект развития обретает свое существование.

С тех пор, как мир стал глобальным, имманентным можно признать только развитие человечества в планетарном масштабе. Развитие же отдельных объектов в составе человеческой цивилизации — это системно-обусловленные и взаимозависимые процессы и явления. Развитие частей можно понять и объяснить только в составе целого, в комплексе с целым.

Беларусь — часть человечества, связанная многочисленными отношениями со всеми другими частями, поэтому никакого имманентного развития Беларуси нет и быть не может. Не только развития, но даже более или менее серьезных изменений. Смешно слышать рассуждения о том, кто добыл Беларуси суверенитет. Суверенной Беларусь стала в результате мировых событий, и не одна, а сразу с 14-ю другими странами.

Что такое суверенитет в нашем контексте? Это значит, что контроль за некой территорией перешел к другому субъекту. И если бы беларусы не хотели суверенитета, то мировые события, вызвавшие развал СССР, все равно привели бы к смене субъекта контроля над этим географическим пространством. Но вот в консциентальном пространстве это отражается иначе. Суверен (тот, кто контролирует и хозяйничает на территории) может по-разному к этому относиться и осознавать это совершенно по-разному.

Развитие необходимо рассматривать в комплексе, как минимум, в нескольких пространствах, рамках и контекстах: развитие целого и частей целого; развитие в географическом, информационном и консциентальном пространствах.

Процесс развития характеризуется:

- **Гетерохронностью**, когда части целого меняются не одновременно: одни — раньше, другие — позже. Позже и вынуждено, подстраиваясь под изменения других частей;
- **Гетерономностью**, когда изменения в географическом пространстве и материальной среде законосообразны, а изменения в консциентальном пространстве произвольны. Произвольны, т.е. зависят от воли, понимания, разума людей;
- **Гетерогенностью**, когда причины и факторы, вызывающие развитие, происходят из различных источников, как внутренних, так и внешних, и сопряжены с целями и ценностями людей.

И поскольку три мира, которые нас интересуют, могут быть описаны и поняты только в системных категориях и только в отношениях друг с другом, мы должны соблюдать масштаб систем, в которых рассматриваются эти три мира, и не упрощать уровень системности и комплексности.

Интересующие нас миры — это, в первую очередь, сообщества, а не отдельные люди или простая механическая совокупность людей. Как и любые большие человеческие сообщества, они воображаемые, если воспользоваться термином Бенедикта Андерсона.

Но если нации формировались как воображаемые сообщества на динамичных представлениях следующего характера: **от общей истории и происхождения к общему будущему сообщества, принимаемого в том же составе по происхождению**, то описываемые здесь миры формируются на несколько иных динамичных представлениях: **от воображаемого будущего к формулированию и планированию актуальных действий и поступков**. Общее будущее для людей «первого мира» не предполагает общего прошлого, общности происхождения, если не иметь в виду все человечество в целом. Для людей «третьего мира» общность прошлого и происхождения по-прежнему играет первостепенную роль. Люди «второго мира» мечутся между этими двумя векторами воображения.

Сообщества — это большие системы. Сообщества складываются из людей, но система — это то, что больше суммы составляющих ее элементов. Качествами и атрибутами отдельного человека невозможно объяснить социальные процессы в сообществах. Мало того, развитие сообщества может затрагивать часть людей, входящих в это сообщество, и не замечаться другими людьми. В одном и том же сообществе люди могут жить в разных мирах и пространствах.

Реформы в Беларуси, которые являются искомыми посредством этого текста и рассуждения, — это тоже процессы в большом национальном сообществе, и позиция каждого отдельного человека имеет весьма малое отношение к процессам реформ. Во время перестройки в СССР, которая привела к его распаду и образованию множества суверенных наций, был в ходу ироничный вопрос: «А ты перестроился?», адресованный к отдельному человеку. Но перестройка касалась общественных отношений, т.е. отношений между людьми, членами сообщества, между разными сообществами и институтами. Перестраивался Советский Союз, т.е. ядро «второго мира». Это вело к глобальной перестройке, к изменению структуры всего глобального мирового порядка, существовавшего в период холодной войны.

Реформы в Беларуси возможны как системные изменения связей и отношений Беларуси с другими странами, изменение отношений между сообществами в самой Беларуси, изменение и переформатирование сложившихся институтов и отношений между людьми и отношений людей к институтам и самим сообществам.

Но если для ответа на вопрос о том, возможны ли реформы в Беларуси, требуется анализ систем, а не отдельных людей, их мнений и поведения, то зачем интересоваться людьми, их позициями и мнениями? Это необходимо при поиске ресурсов для реформ, определении того места, из которого они могут быть инициированы. Кто будет субъектом, инициирующим реформы? Кто будет управлять процессами реформирования?

Общий ответ на эти вопросы прост:

1. Людям «второго мира» нужны реформы. Они могут точно локализовать процессы реформирования в географическом пространстве — в Беларуси. Люди «второго мира» могут оценить процессы с позиции полезности и уместности в своей стране.

2. Люди «первого мира» владеют знаниями, *know-how*, навыками для осуществления реформ, но им безразлично, где заниматься тем, чем они умеют и хотят заниматься;

3. **Ресурс реформирования возникает при навстречном движении людей «второго» и «первого» миров.** Причем движение навстречу сразу в нескольких пространствах, как в географическом, так и в информационном и консциентальном, с преодолением ментальных барьеров и препятствий. Взаимная колонизация мирами друг друга, открытие территории Беларуси для мира и открытие глобального мира в сознании беларусов. И эта навстречная колонизация миров, территории и пространств проводится в целях развития.

Такое навстречное движение не может быть одновременным для всех людей Беларуси и даже для всех представителей «второго» или «первого» миров. Кто-то должен инициировать навстречность, направлять движение и капитализировать достижения, которые будут возникать в навстречном движении и объединении сил и возможностей «второго» и «первого» миров.

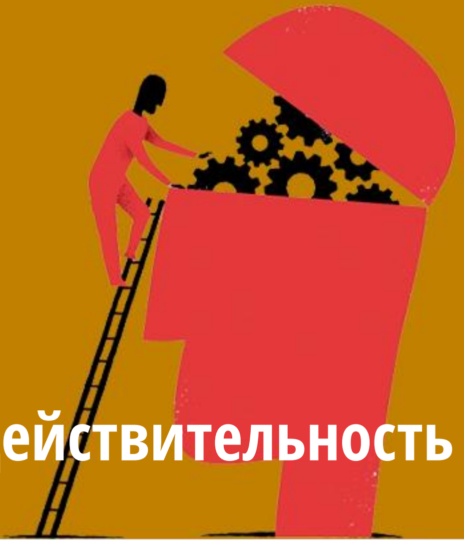
Понятия и категории, разобранные в этом разделе, необходимы для разработки тем, сформулированных в предыдущем разделе:

1. Антропологическая действительность: люди, человеческое сознание, установки, идеология и картина мира.

2. Коммуникация и взаимодействие между представителями разных миров, или носителей разных картин мира.

3. Собственно картина глобального мира и глобальные проблемы современности.

Люди, человеческие качества (в том смысле, который вкладывал в понятие «человеческие качества» Аурелио Печчеи) важны для обнаружения инициаторов изменений и реформ в стране. Но начинать исследовать антропологическую действительность Беларуси необходимо с картин мира и понимания глобальных проблем, которые разделяются людьми «первого», «второго» и «третьего» миров.

Часть 6. Антропологическая действительность

Люди, человеческое сознание, установки, идеология и картина мира; коммуникация и взаимодействие между представителями разных миров, или носителей разных картин мира

Права человека и свобода в XX веке стали восприниматься как нечто само собой разумеющееся. Но то, что мы сейчас воспринимаем как должное, является результатом и достижением длительного исторического развития цивилизации. В средневековой Европе и других цивилизациях права трактовались как привилегии, как различие между людьми или группами (стратами и классами) людей. Идея равных прав для каждого человека относительно нова в истории, потребовалось два столетия, чтобы эта идея стала общераспространенной и была доведена до состояния: «кто же этого не знает». Равенство людей в правах как принцип принят всеми, хотя сами права трактуются и понимаются по-разному.

Равенство прав человека обеспечивает человеку свободу. Свобода же обеспечивает разнообразие индивидуальных различий между людьми. Уравнивание людей в правах ведет к увеличению индивидуальных различий, к появлению индивидуальности.

Часто категорию «индивидуальность» не отделяют от категории «индивид». Но индивид — это единица общности. Из индивидов складывается любая общность или популяция, как у людей, так и у пчел и муравьев. Муравейник состоит из муравьев-индивидов, но эти индивиды не являются индивидуальностями, чем больше они похожи друг на друга, тем лучше для муравьиного сообщества и популяции. Веками таким же образом строились человеческие сообщества: в родовых сообществах, племенах, первых государствах от каждого индивида ожидалось, что он будет таким, как все, и вменялась максима «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». Общество определяло, каким быть индивиду, какими правами и обязанностями его наделить, какую степень индивидуальных различий можно допустить. Эмансипация индивида, выражавшаяся в борьбе за права и свободы, приводит к двум главным эффектам:

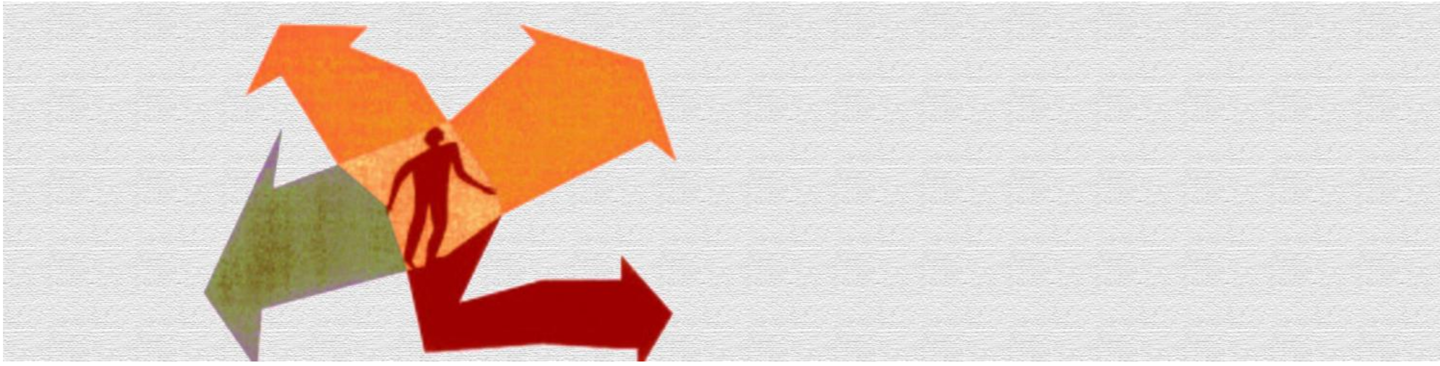
1) **Появление и накопление индивидуальности.** Люди становятся все меньше похожи друг на друга, и эта непохожесть на других становится ценностью. Именно она характеризует человека, а не его место и статус в сообществе людей;

2) **Изменяется смысл и характер связи человека и общества/сообщества.** Зависимость человека от общества ослабевает, связи и отношения человека с обществом становятся

разнообразнее и сложнее. Качественное и количественное изменение общественных связей ведет к системным изменениям самого общества. Сообщества, в которых индивидуальность подавляется и нивелируется, кардинально отличаются от сообществ, в которых индивидуальность ценится и поощряется.

Применительно к концепции трех миров эти эффекты можно радикализировать, представить в категоричной форме:

- Люди «первого мира» индивидуализированы, индивидуальность и особенность в «первом мире» поощряется, ценится и обеспечивает успешность в сложных и разнообразных системах жизни и деятельности;
- Индивидуальность человека в «третьем мире» нарушает устоявшийся порядок вещей, поэтому вызывает подозрение и при возможности подавляется и нивелируется;
- Люди «второго мира» индивидуализированы почти так же, как и люди «первого мира», но на ценностном уровне они придерживаются идеологии «третьего мира», т.е. склонны подавлять как свою индивидуальность, так и индивидуальность других членов сообщества.

Возвращаясь к главному вопросу настоящего текста — поиску ресурсов для реформирования в Беларуси, необходимо учитывать эти накопившиеся изменения общественных систем. В прикладном смысле это означает, что **мы не сможем найти агентов перемен в каких бы то ни было социальных группах, стратах или классах**.

Индивидуализацию, которой характеризуется современное социальное устройство, уже невозможно не замечать и игнорировать. Чаще всего, обращают внимание на негативные аспекты этого явления, говоря об атомизации общества, понимая это как разрыв и нарушение общественных связей и отношений. Каждый отдельный человек все меньше нуждается в других людях и все меньше интересуется другими людьми.

Люди по-прежнему зависимы от общества, но от целостной инфраструктуры, а не от отдельных элементов или индивидов, из которых складываются социальные системы. Если существует инфраструктура, обеспечивающая удовлетворение всех базовых потребностей индивида, гарантирующая защиту его прав и свобод, то отношения и связи с другими индивидами перестают быть жизненно необходимыми.

В прошлом не возникало вопросов о том, зачем человеку семья, церковная община, профессиональная гильдия, национальная принадлежность, духовное или ментальное единство с сообществами, определяющими идентичность человека. Членство и идентификация самого себя с реальными и воображаемыми сообществами были просто жизненной необходимостью, каждый человек определялся нацией, конфессией, профессией, семейным происхождением.

Пока существовало такое положение дел, в социологии, политологии, культурологии, даже в социальной психологии можно было оперировать категориями «общественное мнение», «коллективное сознание» или «коллективное бессознательное». Предполагалось, что буржуазия, например, имеет идеологию, отличную от идеологии пролетариата. И что, выяснив идеологические установки некого класса, можно распространить полученное знание на весь этот класс, не придавая большого значения индивидуальным отклонениям. На таком предположении строились политические стратегии и программы, маркетинговые, социологические и этнокультурологические исследования.

Вплоть до Первой мировой войны в обществоведении доминировали классовые, расовые, национальные теории, на их основе строились общественные практики. Потом стало понятно, что такой масштаб, такая калибровка в рассмотрении общественных явлений слишком груба и не позволяет увидеть реальное положение дел. Начались поиски меньших единиц для членения общества и более глубокого анализа. Питирим Сорокин предложил категорию «страты», которая не имела размеров и масштабов, позволяла типологизировать социальные группы по любым, часто случайным параметрам. В маркетинге возникла и до сих пор популярна категория «целевые группы», которые можно выделять по произвольному набору параметров и характеристик. Целевые группы, с которыми целесообразно иметь дело в практике, либо сужаются и конкретизируются до очень мелких, с детализацией по многим параметрам, либо размываются до крупных и аморфных. Возможность компьютерной переработки больших массивов данных позволяет перейти к таргетированию в маркетинге, когда целью (*target*) становится индивидуальный потребитель. К индивидуализированному потребителю адаптируется даже индустриальное производство, которое ранее мыслилось способным производить только массовые стандартизованные продукты большими партиями. Сейчас на основе базовых моделей производится множество вариаций продукта, рассчитанных на различные вкусы и предпочтения.

Эта тенденция затрагивает не только индустрию и маркетинг, но и социальные и гуманитарные отношения.

В современном мире каждый человек самоопределяется по отношению ко всем наличным, мыслимым и воображаемым сообществам, сам решает, к какому из сообществ принадлежать, может решить не относить себя ни к одному из них. Границы сословий, классов, этносов, конфессий, гендерной идентичности стали размываться еще после Первой мировой войны, а после Второй мировой этот процесс шел с таким ускорением, что это создавало впечатление революций во всех сферах жизни: социальная революция, революция менеджеров, культурная революция, сексуальная революция и т.д. Правда, и контрреволюционные процессы (стремление остановить размывание границ между разными социальными группами, стремление восстановить социальную статику и стабильность) тоже изображались как революция. Например, большевистская абсолютизация классов и этносов.

Большевики декларировали коммунистические установки свободы, равенства, братства, но реально возводили социальные барьеры и жесткие границы.

Во-первых, они не допускали индивидуального мышления и мнения. Каждый человек, согласно большевистской доктрине, однозначно принадлежал одному из классов в многоукладной структуре социума. Социологические воззрения большевиков предполагали, что все, кто принадлежит к классу буржуазии, разделяют буржуазное мировоззрение и идеологию. Крестьяне имеют мелкобуржуазные установки. Пролетарии заражены левым или правым уклонизмом. Каждый взрослый однозначно приписывался к одному из этносов, список которых в СССР был длинным, но закрытым, те этносы, которые не попали в список, как бы и не существовали. Этническая принадлежность записывалась в паспорте, но детям в свидетельстве

о рождении этническую принадлежность не записывали, чтобы дети от смешанных браков могли сами выбирать. Расчет строился на том, что они будут выбирать более «престижную» принадлежность. В стандартных анкетах, которые заполнялись при приеме в учебные заведения и на работу, записывалось классовое происхождение. Затем эти анкеты сопровождали человека на протяжении всей жизни. Это открывало широкие возможности для репрессий по классовому или этническому признаку. Каждый человек был маркирован или стигматизирован социальным, этническим, образовательным и партийным статусом, всем была отведена соответствующая клеточка в общей матрице.

При этом предполагалось, что классовая, этническая или конфессиональная принадлежность определяет мировоззрение человека, идеологию, образ мысли и образ действия. Эмпирическая реальность, свидетельствующая о том, что выходцы из буржуазии могли разделять коммунистические идеалы, а пролетарии — мелкобуржуазные, никак не влияла на социальное знание и практику.

После развала СССР исчезла и матрица, которая определяла раз и навсегда социальную структуру и сводила к примитивным формам социальные отношения. Но социальное знание все еще базируется на представлениях, что мышление и сознание индивидуального человека определяется той социальной группой, или тем социальным типом, к которому человек принадлежит. Единственное отличие новых представлений состоит в том, что нет полного и окончательного списка социальных типов и групп, поэтому для практических нужд используется категория «целевая группа».

Априорное выделение целевых групп порождает абстракции, которые практически не фиксируются социологическими методами. Поэтому в социологии приходится прибегать к статистическим методам факторного, кластерного анализа или каким-либо еще, чтобы хоть как-то сгруппировать разнообразие и разброс индивидуальных мнений в некие классы, типы и кластеры. Но все полученные таким образом типологии и классификации недолговечны, устаревают еще до того, как удается на их основе разработать сколь-нибудь эффективную маркетинговую стратегию.

Это обстоятельство особенно заметно в политическом маркетинге. Бесперспективность построения партийных программ с опорой на старые социальные классы, типы или страты (рабочие, средний класс, молодежь, женщины и т.д.) уже давно замечена, но попытки апеллировать к вновь изобретенным социологами целевым группам или вычлененным статистическими методами кластерам продолжаются.

Разумеется, демографические характеристики в большинстве случаев влияют на мнение и позицию индивида, точно так же как гендерная идентификация, место жительства, профессия и др. Но это влияние ограничивается содержанием объектов, находящихся в поле внимания человека, а не образом мысли и идеологией.

Современный человек индивидуален, его невозможно понять и объяснить принадлежностью к какому-либо социальному типу.

Индивидуализация напрямую связана со свободой совести, свободой слова, в конечном итоге она выражается в свободе мысли. Обретение свободы (акт освобождения, эмансипации) не автоматически ведет к свободе мысли, мысль и сознание человека инертны. Требуется смена нескольких поколений, или период в десятки лет, пока обретение социальной свободы приведет к свободе мысли. Но в XX и XXI веках уже несколько поколений живут в условиях не просто продекларированных, но реально соблюдаемых прав человека. И даже в условиях авторитарного режима в нашей стране скоро уже три десятилетия права человека влияют на формирование индивидуальности многих и многих людей.

Индивидуализация связана с автономией личности. Это значит, что человек не склонен некритично и по умолчанию следовать нормам той социальной группы, в которой он живет, он сам определяет порядок, нормы, правила и законы (номос), которым он готов следовать, и те, которым не готов.

Индивидуализация в большей степени свойственна представителям «первого мира». И, наоборот, в «третьем мире» она не ценится и даже подавляется, там по-прежнему требуется не собственное мнение, собственный образ мысли, а следование общепринятым мнениям.

- Однако идеология прав человека, декларирование свобод, установка на самостоятельность мышления некритично потребляются и в «третьем мире». В опросах общественного мнения, беседах и дискуссиях представители «третьего мира» провозглашают имеющиеся у них мнения и взгляды как собственные. Они могут утверждать некритично усвоенную банальность, которая произносится уже несколько веков, давно опровергнута и вышла из моды как мысль, к которой они пришли в результате собственных размышлений. Мнения людей в «третьем мире» формируются (неявным образом) их окружением, референтной группой и местными авторитетами. Но местные сообщества, даже многочисленные, не формируют всего спектра мнений, которые могут потребоваться в эпизодической коммуникации или в политической жизни. Тогда включается другой источник формирования мнений в «третьем мире» — СМИ. Этим источником злоупотребляют в современном мире многие из тех, кто претендует на формирование общественного мнения. Пропаганда и ее современные разновидности (пиар, «постправда») обращаются к людям «третьего» и «второго» миров, для которых индивидуальность уже является декларируемой ценностью, но сознание и образ мысли которых все еще не самостоятельны и не автономны, а представляют собой интериоризированные и субъективизированные идеи и установки сообщества, с которым эти люди идентифицируются.

В этом тексте возможно рассмотреть только часть причин и факторов, обосновывающих простой тезис в контексте основных вопросов, которые нас здесь интересуют:

> **Ресурсы изменений и инноваций, агентов реформирования в Беларуси нужно искать не в социальных группах, классах, кластерах, а в индивидуальных людях.**

Из этого простого тезиса выводятся несколько радикальных следствий:

1. Агентами реформирования и перемен в Беларуси могут быть только индивидуальные люди, люди с именами собственными, а не обезличенные представители социальных групп, классов и т.д. Ретроградная систематическая ошибка всех оппозиционеров, революционеров и реформаторов в Беларуси состоит в том, что они пытаются найти опору для своих политических действий в некой социальной группе или в институте. Кто-то в качестве движущей силы рассматривает пролетариат, рабочих крупных предприятий, ходит на проходные и в цеха с листовками и призывами. Десятилетиями не находя там поддержки,

эти политики не могут критически отнестись к усвоенным ими архаичным социологическим представлениям, совершенно не адекватным современному положению дел. Другие возлагают надежды на новые социальные группы (новые для постсоветского региона): бизнес, олигархов, средний класс, индивидуальных предпринимателей, студентов и т.п. Эти надежды так же бесплодны и бесплотны, как и представления коммунистов и марксистов. В поисках опорной социальной группы для перемен отдельные политические деятели обращаются к еще более архаичным представлениям, например, апеллируя к христианам разных конфессий, пытаясь воспользоваться организованностью церковных общин. Некоторые апеллируют к язычникам и традиционализму при полном отсутствии таких социальных групп, хотя существуют соответствующие аутичные маргиналы и единичные энтузиасты, создающие своей активностью впечатление неких движений. Любые такие попытки обречены на неудачу, поскольку все они адресованы «третьему миру», где все еще идеологизированное общественное мнение имеет силу. Но перемены, реформы и инновации в «третьем мире» неприемлемы по принципу.

2. Предложения, оферты, призывы к реформам, переменам и инновациям оформляются не индивидуально и персонализировано, а к неким типичным абстрактным представителям, в которых никто из индивидуализированных личностей не может опознать себя. Поэтому все предложения, программы реформ, декларации партий, движений и общественных инициатив выглядят выхолощенными, абстрактными, нереалистичными. Предложения о реформах и изменениях в стране исходят от представителей «второго мира», масштаб мышления которых замкнут на нации и территории государства, а адресованы они представителям «третьего мира», мышление которых не соразмерно этому масштабу, и представителям «первого мира», которые мыслят в двух масштабных сетках: в глобальном масштабе и в масштабе личной карьеры.

3. Коммуникация между представителями трех миров, соприкасающихся в общем информационном пространстве, практически невозможна, поскольку темы, объекты, цели и ценности каждого из миров теряют свое значение в дискурсе и нарративе двух других миров.

4. Последнее следствие, на которое следует обратить внимание, — это адресация и судьба данного текста. Этот текст смогут прочесть, понять, отнестись к нему и отреагировать только те, кому он будет адресован персонально. Нет ни одной социальной группы, известной нам из истории, даже совсем недавней, которая могла бы принять этот текст, как адресованный ей. Ни ученые и академическое сообщество, ни национальные лидеры и политически активные граждане, ни инноваторы, предприниматели, стартаперы или кто там еще существует.

Но, даже будучи прочитанным представителями разных миров, он может не иметь никаких практических следствий, если картина современного мира не становится объектом и предметом размышления и действия.

Коммуникация о переменах и реформах, которая может привести к встрече тех, кто хочет и стремится к реформам в стране «здесь и сейчас» (конкретные персонализированные представители «второго мира»), и тех, кто владеет достаточными знаниями и компетенциями, чтобы эти перемены и реформы осуществить (персонализированные представители «первого мира»), станет возможной тогда и только тогда, когда:

- представители «второго мира» начнут говорить о проблемах, которые волнуют представителей «первого мира», а не о своих собственных проблемах;

- представители «второго мира» начнут говорить о проблемах «первого мира» не с позиции тех, кто знает решение этих проблем, а с позиции тех, кто может предложить свою территорию, свою страну вместе со своими возможностями для решения мировых и глобальных проблем «здесь и сейчас», а не «где-то там» и «когда-нибудь»;
- представители «первого мира» попытаются договориться с представителями «второго мира» об условиях и обстоятельствах разворачивания работ в нашей стране по решению мировых и глобальных проблем.

Часть 7. Менять мир самим или ждать, пока нас изменят?

О мировых, глобальных и цивилизационных проблемах, которые могут стать предметом коммуникации представителей «первого» и «второго» миров в наше стране и началом реформ

Вернемся к началу этого рассуждения:

> «Будут ли реформы в ближайшее время в стране, я не знаю. Знаю только, что они необходимы, и без быстрых и успешных реформ наша страна будет только деградировать. Но это ничего не значит».

То есть не совсем ничего, если исходить из проделанного рассуждения, то категорию «деградация» придется усложнить, уточнить и конкретизировать.

Даже если в стране не будет никаких реформ, уровень жизни будет расти, качество жизни населения будет улучшаться, инфраструктура будет совершенствоваться, в промышленности будут внедряться новые технологии, роботы будут высвобождать совокупное свободное время трудящихся, блокчейн будет отвоевывать позиции в финансовой системе и т.д., и т.п. Все будет улучшаться.

Все будет улучшаться, а страна будет все больше отставать. Разрыв между Беларусью и развитыми регионами планеты будет увеличиваться.

Как бы не сопротивлялся «третий мир» инновациям, они будут распространяться, и «третий мир» будет вынужден их принимать и терпеть. Часто принимать не сами инновации, а то, что еще недавно было инновациями в «первом мире» и принудительно распределяется в «третий мир» уже как элементы глобальной инфраструктуры.

Это не «третьему миру» нужна «зеленая экономика», а тем, кто думает не в местечковых, а в глобальных масштабах, т.е. «первому миру». Представителям «первого мира», привозящим и продающим в Беларуси энергосберегающие технологии, нужна здесь мобильная связь, скоростной интернет, дорожная инфраструктура, «Макдональдс», сеть гостиниц.

Изменения происходят в Беларуси по инфраструктурным законам расширения «первого мира» по планете, по правилам освоения новых территорий.

«Зеленая экономика», экологическое сельское хозяйство, скоростной интернет, комфортабельные гостиницы и привычное качество жизни нужны «первому миру» не в Беларуси, а по всей планете, и только поэтому — в Беларуси. Было бы страшно глупо, если бы интернета или мобильной связи не было только в Беларуси. Без этого Всемирная паутина и всепланетная связь были бы не полны.

Большая часть инноваций появляется в Беларуси не потому, что этого хотел беларусский режим или избравшие его избиратели. Они появились здесь в результате освоения территории «первым миром» и ее колонизации. **Колонизации** — в исходном значении этого слова, т.е. как освоение цивилизацией **пространства**.

Кто бы ни был хозяином или сувереном этой территории, она должна быть освоена цивилизацией, поскольку эта цивилизация считает своей ойкуменой всю планету. Вопрос только в очередности этапов освоения. Зимбабве и Центральноафриканская Республика несколько дальше от центров цивилизации, чем Беларусь, поэтому осваиваются цивилизацией несколько медленнее и менее интенсивно. А Беларусь осваивается, осваивается в результате процессов **перераспределительной экономики** глобального масштаба и **принудительного потребления**. Эти процессы разбирались в выше.

Беларусь меняется в результате освоения ее «первым миром», меняется вопреки желаниям и действиям «третьего мира», меняется без нас.

«Без нас» — так называется самое глубокое и принципиальное эссе Валентина Акудовича, самого здравомыслящего, честного и рефлексивного философа «второго мира» в Беларуси. Без нас — это без активного отношения «третьего мира», который сопротивляется любым переменам и инновациям, но терпит их вынужденно. Но пафос этого эссе Акудовича адресован не «третьему», а «второму миру» беларусов. Без нас строятся дороги, дома, электростанции, ставятся спектакли, снимаются фильмы, обживается «улица Бразил» и Зыбицкая, — говорит Акудович тем, кто болеет душой за Беларусь, за нацию, борется с режимом, установившимся с опорой на «третьемирное» большинство.

А раз все это происходит без нас, без воли и активного участия «второго» и «третьего» миров, то делается это «не по-нашему», не так, как нам нравится, как нам удобно, как мы считали бы красивым и хорошим. Но с «третьего мира» спроса нет. Его представители ничего этого не хотели, не хотят, а потому всегда будут недовольны всем, что делается «без них», даже если это делается «для них». Это парадоксальная черта представителей «третьего мира» — всегда считать то, что было, лучше того, что стало. Несмотря на все очевидные преимущества устройства современной Беларуси перед БССР, публичные лица «третьего мира» будут утверждать, что в СССР было лучше. Во много раз более высокий уровень жизни они просто игнорируют, а качество жизни, свободы и права их вообще не интересуют. Все, о чем могут мечтать представители «третьего мира», все, чего они сейчас желают, — все у них будет, и будет без всяких реформ в стране, о которых мечтают представители «второго мира».

Главная ошибка лидеров «второго мира» (и об этом тоже уже шла речь), всех тех, у кого болит душа за Беларусь, состоит в том, что в качестве целей реформ и преобразований в стране они выдвигают потребности, желания, цели и ценности «третьего мира», или того большинства, на электоральную поддержку которого они рассчитывают. Именно центрированность на этих потребностях, целях и ценностях не позволяет представителям «второго мира» вступать в коммуникацию с «первым миром».

Главной, центральной, системообразующей и запускающей процесс реформирования целью может быть только одна — выведение Беларуси в число территорий и сообществ «первого мира».

Реформы в стране нужны только для этого — вывести Беларусь в «первый мир».

И только в движении к этой цели может быть понятен этот текст со всеми его лирическими и понятийными отступлениями. И это требует серьезного консциентального переворота, или поворота сознания. Поворота от целей и ценностей «третьего мира» к целям и ценностям «первого мира». Только при таком консциентальном повороте возможна коммуникация между «вторым» и «первым» мирами, взаимопонимание между ними, сложение сил, ресурсов и энергетики этих двух миров с синергетическим эффектом. Пока же энергетика и ресурсы скорее гасят друг друга, чем суммируются с приращением.

- Направленность на достижение целей «первого мира» означает то, что Беларусь из территории освоения и колонизации превращается в сообщество, осваивающее и колонизирующее всю планету, а значит — и Беларусь. Мы, «второй мир», должны осваивать Беларусь. Пока же ее осваивает и колонизирует «первый мир»; «второй мир» если и включается в эти процессы, то только в попытке развернуть **процессы глобализации** в обратном направлении.

Во многих случаях «второй мир» принимает антиглобалистскую установку и идеологию. Эта установка и идеология превращают «второй мир» в главное препятствие решения общемировых проблем, и сам «второй мир» становится мировой проблемой. Восстание масс (если воспользоваться термином Х. Ортеги-и-Гасета) было мировой проблемой в первой половине XX века, открывшей дорогу тоталитаристским режимами. Сейчас нам грозит не восстание масс «третьего мира», которых принудительное потребление и перераспределительная экономика примирили с прогрессом, хотя и не сделали его сторонниками, а восстание антиглобалистского «второго мира». Проявления восстания «второго мира» в странах, контролируемых представителями «первого мира», проявилась в *Brexit*, в популизме Трампа, в правом уклоне националистических партий, в агрессивном антиглобализме левых. В арабских и мусульманских странах восстание «второго мира» выливается в глобальный терроризм и ИГИЛ.

«Второй мир» (не только в Беларуси, но и в других странах) сейчас проявляет себя даже большим ретроградом, чем «третий мир». Это обстоятельство требует специального анализа. Дело в том, что **установка антиглобализма возникает как ответ на консюмеризм и массовые потребительские установки**. Разумеется, это не единственный ответ на консюмеризм, несколько иным ответом является инвайроментализм. Однако в наиболее радикальных проявлениях инвайроментализм и антиглобализм сливаются и начинают усматривать причину глобальных проблем в расширенном потреблении, стимулирующем производство, а ТНК и всю мировую экономику объявляют ответственными за стимулирование потребления и консюмеризма. Представители «второго мира» в меньшей степени заражены консюмеризмом, они ориентированы на другие ценности (свобода, культура, традиция, нация и т.д.), полагая их ценностями более высокого порядка. Эти ценности не чужды и представителям «первого мира»,

и, казалось бы, это может быть общим основанием для навстречности и диалога между этими мирами. Но этому мешают картины мира, или онтологии, преобладающие во «втором мире».

Будучи приверженцами одних и тех же ценностей (не забывая о тех, которые разделяют миры), представители «первого» и «второго» миров видят глобальные проблемы, стоящие перед всем человечеством, в первую очередь экологические. Но если в «первом мире» глобальные проблемы воспринимаются как задачи, которые необходимо решать, то представители «второго мира» ищут причины глобальных проблем и виновных в их возникновении. И главным виновником экологических проблем, включая глобальное потепление, в представлениях «второго мира», является «первый мир». Это «первый мир» стимулирует неумеренное и расширяющееся потребление в поисках ресурсов для расширения производства, а расширение производства ведет к экологической катастрофе. Значит, «первый мир» — враг человечества, а поскольку «первый мир» глобален, то те, кто видит в нем врага, становятся антиглобалистами.

У враждебности «второго» и «первого» миров есть и еще одна сторона, тоже связанная с потреблением. Страны с преобладанием «первого мира» не зря называют «золотым миллиардом». «Золотой миллиард», или самые богатые страны, регионы и сообщества, богаты не потому, что больше производят, а потому, что потребляют основную долю богатств всего человечества. Индустриальное и сельскохозяйственное производство все больше выносится за пределы пространства жизни «золотого миллиарда»: в Азию, Латинскую Америку, Африку. Но, производя больше, эти страны не становятся более богатыми.

То же самое можно наблюдать в отношениях между мирами внутри каждой отдельной страны или сообщества. Представители «первого мира» потребляют больше, чем представители «второго» и «третьего» миров, и они потребляют первыми. Инновации — это то, что потребляют в «первом мире». А материальное воплощение того, что потреблено вначале в «первом мире» как инновации, приходит во «второй» и «третий» миры уже в виде массового продукта. Инновации (как и изобретения, открытия, шедевры искусства и т.д.) могут возникать в любом из миров, в любом месте земного шара, но потреблять их начинают в «первом мире». Это может быть элитарное потребление произведений искусства, престижное потребление предметов роскоши, эксклюзивное потребление технических новинок или технических шедевров. Видимая часть элитарного и приоритетного потребления связана с богатством, с финансовыми возможностями.

Но не это является отличительной особенностью «первого мира». «Первый мир» первым потребляет знания и идеи, из какой части планеты они бы ни исходили. А в век информации и экономики знаний именно это дает неоспоримые преимущества.

Чтобы первыми потреблять (осваивать и усваивать) новые знания и идеи, необходимо иметь соответствующую квалификацию, компетенции, установки, человеческие качества и картину мира. Именно эти качества и отличают людей «первого мира». Они все успевают первыми. Для них нет препятствий в освоении новых идей в виде табу, идеологических или религиозных догм, идолов рода, театра, пещеры, театра или что там еще придумали после Френсиса Бэкона.

Они не просто первыми ищут и получают доступ к новым знаниям и идеям (знания и идеи могут быть воплощены в технических новинках или в художественных шедеврах, что зачастую только и видят представители «второго» и «третьего» миров), они могут оценить достоинства новых знаний и идей, их важность и ценность.

Человеческие качества (любопытство, заинтересованность, исследовательские установки, гибкость, алертность), инструменты поиска нового знания и идей (языковая, социальная, информационная грамотность, эрудиция) прививаются воспитанием и образованием, а

способность оценивать достоинство и ценность новых знаний и идей приобретаются только с опытом.

Соответственно, образование, воспитание и опыт могут регулироваться. Систему образования и воспитания можно реформировать, организовать так, чтобы учащиеся, новое поколение уже в детстве и молодости вырабатывали в себе необходимые для жизни в «первом мире» человеческие качества. Социальный опыт тоже может быть организован. Как — это отдельный разговор, но Япония когда-то показала пример такой организации. Не имея достаточной массы изобретателей и ученых, без которых бедная природными ресурсами страна не могла совершить промышленный рывок, названный впоследствии «японским экономическим чудом», Япония скупала изобретения, патенты, наработки ученых других стран, каталогизировала даже идеи из научно-популярных и технических журналов для детей, издававшихся на всех европейских языках.

Знание о том, как организовать обучение, воспитание и приобретение опыта, необходимого людям «первого мира», есть только у людей «первого мира». И они вовсе не собираются это знание скрывать. Напротив, они готовы делиться этим знанием, осваивая и колонизируя территорию и информационное пространство на всей планете, а значит, и Беларусь. Препятствием могут быть только установки и упрямство «второго» и «третьего» миров. Это препятствие тоже устранимо, если «второй мир» развернется навстречу «первому миру».

Почему разворот навстречу требуется именно от людей «второго мира», а не «третьего»? Да потому, что «третий мир» как был, так и останется навсегда противником перемен и инноваций. Люди этого мира были и будут потребителями всего того, что в процессах перераспределения, построения инфраструктуры глобальной экономики и принудительного потребления им несет «первый мир». Активное сотрудничество возможно между людьми «второго мира», заинтересованными в развитие именно своей территории, своего пространства и своего национального сообщества, и людьми «первого мира», которым все равно, в каком пространстве, на какой территории, с энергией и ресурсами какого сообщества решать мировые и глобальные проблемы. Если им удобно и целесообразно решать мировые проблемы в ЦЕРН или в Силиконовой долине, они будут сотрудничать со «вторым миром» Швейцарии или Калифорнии. Но почему бы не в Беларуси?

В Беларуси это станет возможным только в том случае, если «второй мир» сможет найти для страны позицию и роль в структуре мирового разделения труда. Если в Беларуси можно будет делать то, чего не делают больше нигде в мире, или в Беларуси это будет делать удобнее, чем в других местах. Именно поиск своего места в мировом разделении труда и есть первостепенная и центральная задача беларусского «второго мира», который пока занят арьергардными битвами за историю и традиции, а также тщетными попытками найти свой путь удовлетворения консюмеристских потребностей «третьего мира».

Причем место в мировом разделении труда приходится искать в изменившейся структуре глобальной экономики и хозяйства. Привычка «догонять и перегонять Америку» по показателям индустриальной экономики прошлого века ведет к тому, что многие во «втором мире» пытаются «догонять и перегонять» и сейчас по показателям нового тысячелетия. А нужно не догонять и перегонять, а искать свое место среди равных, искать свое место среди тех, кто занят решением мировых проблем.

Как только не называют современную экономику в глобальном хозяйстве: «экономика знаний», «информационная экономика», «цифровая» или просто «шестой (или какой там по счету?) технологический уклад»! Но суть дела сводится к тому, что знания, идеи, новые решения являются самым ценным товаром на этом этапе истории человечества.

Разумеется, не любые знания и идеи, а те, которые позволяют справляться с глобальными проблемами или угрозами. Поэтому, разворачиваясь навстречу «первому миру», чтобы вступить с ним в коммуникацию, найти в нем место Беларуси, включиться в общемировой процесс решения общих для мира задач, нужно иметь представление о тех глобальных угрозах и проблемах, которыми озабочено глобальное человечество. И ведь эти угрозы никем не замалчиваются, и проблемы ни от кого не скрывают.

Более полувека назад «Римский клуб» сформулировал глобальную проблему — экологическую — как главную угрозу человечеству. Первоначально «Римский клуб» и его эксперты делали акцент на исчерпаемости природных ресурсов. Потом загрязнение среды стало рассматриваться как более актуальная угроза. Сейчас на первый план выходит глобальное потепление климата. Хотя речь при любой акцентировке идет об одном и том же. Все эти десятилетия после доклада «Пределы роста» глобальное человечество пытается сократить потребление невозобновляемых ресурсов, сократить выбросы в атмосферу, развивать возобновляемые источники энергии. Но сколько бы не сокращали вредные выбросы, они все равно отравляют атмосферу, ведут к потеплению и даже в меньшем количестве не замедляют грядущего потепления.

Потепление климата — это изменение природных ландшафтов и среды обитания людей той или иной культуры. Изменение климата и ландшафта делают невозможным привычный людям образ жизни. А в некоторые изменения (затопление низинных территорий, например) делают жизнь на территории и вовсе невозможной.

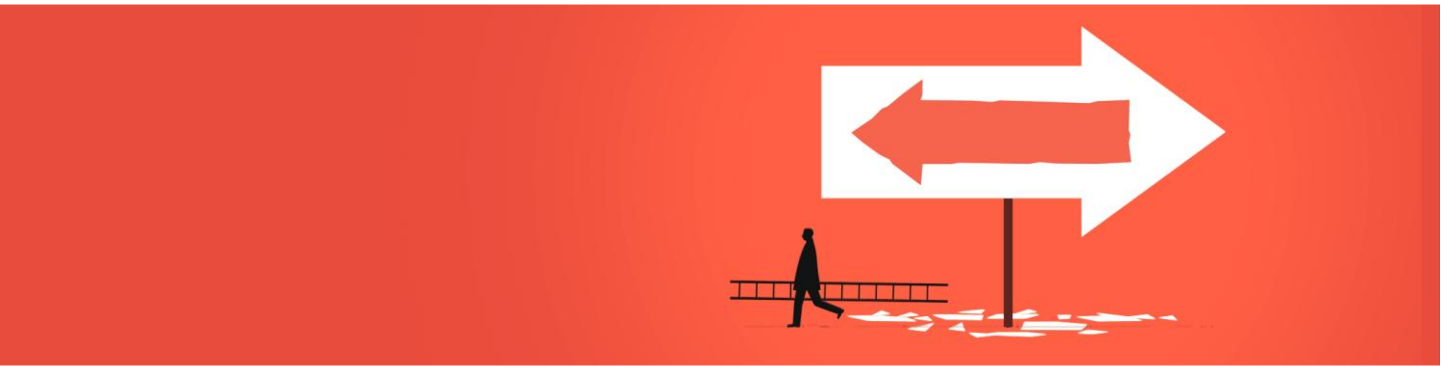
Очевидным последствием таких климатических и ландшафтных изменений будет переселение народов и популяций в другие места. Но незанятых и необжитых мест на планете больше нет. Большинство пригодных для комфортной жизни людей территорий уже плотно заселены, и поток мигрантов будет направлен именно на эти территории.

Ситуация осложняется тем, что демографическое давление на планете наиболее сильно на территориях, лишь относительно пригодных для комфортной жизни — в Африке, в первую очередь.

Колонизация этих малопригодных (дефицит питьевой вод, рискованное земледелие, болезни и эпидемии и пр.) для жизни территорий и создание на них современной инфраструктуры представляется нецелесообразной и даже опасной, поскольку ведет к еще большему разрушению природной среды, изменению ландшафтов и, в конечном итоге, к ускорению глобального потепления.

Потепление климата вместе с демографическим давлением вызовет «великое переселение народов», по сравнению с которым современные проблемы с беженцами и мигрантами покажутся легким бризом перед цунами.

В принципе, территории, контролируемые «золотым миллиардом», способны принять и расселить еще миллиард жителей. Но дело даже не в том, что переселенцев будет не миллиард, а два и более, а в том, что переселенцы приедут со своим мировоззрением, своей картиной мира, своей идеологией и традициями, которые плохо совместимы с мировоззрением аборигенов. И у представителей «первого мира», частично населяющих территории «золотого миллиарда», нет идеологии, которую они могли бы предложить переселенцам. Идеологии «второго» и «третьего» миров могут быть просто враждебными и конфронтационными. А если сами переселяющиеся народы приедут с агрессивной идеологией и нонтолерантными традициями, то жизнь на территориях «золотого миллиарда» станет уже не такой комфортной. И это мягкая формулировка. Все может быть гораздо хуже.

Таким образом, обобщая многочисленные формулировки глобальных угроз и проблем, их можно свести в три большие группы:

1. Климат, глобальное потепление, изменение ландшафтов, типа хозяйственной деятельности людей;

2. «Великое переселение народов» как усугубление первой проблемы;

3. Идеологическая и образожизненная несовместимость и отсутствие у европейской цивилизации идеологического и мировоззренческого предложения для ассимиляции разных народов и культур. Или иначе: у Европы нет ответа на вопросы: «Зачем мы нужны друг другу?» и «Как нам жить вместе?», которые Европа могла бы предложить представителям других цивилизаций, с которыми приходится жить на одной планете.

Это три главные обобщенные проблемы, они же — глобальные угрозы, но они же могут быть представлены как вызовы. Глобальные вызовы, на которые должен отвечать «первый мир». Представители «второго мира» могут относиться к этому только как к угрозам. Навстречность миров может состояться очень просто: «второй мир» может разделить представление «первого мира» об этом, как о проблемах, подлежащих решению, и как о вызовах, которые касаются всех людей на планете.

Идея исчерпаемости природных ресурсов в начале 70-х годов прошлого века многим казалась фантастической, выходящей за пределы их жизни, далекой от их непосредственных интересов. Энтузиасты научно-технического прогресса относились к этой идее как к мальтузианству, как к проблеме, которая сама собой решится в процессе технологического развития. Инициатор «Римского клуба» Аурелио Печчеи понимал, что решение проблемы упирается в человеческие качества, эгоизм человеческой природы. Проблемы природы на планете решается через изменение природы человека. В наибольшей степени эгоизм свойственен представителям «третьего» и «первого» миров. Типичная фраза, которую говорят представители этих миров в ответ на альтруистические или солидаристские предложения «второго мира»: «Что я с этого буду иметь?» или «Зачем мне это нужно?».

Но в устах представителей «третьего» и «первого» миров эта фраза имеет очень разный смысл. Человек «третьего мира» руководствуется потребительскими мотивами, и смысл глагола «иметь» для него совпадает с глаголом «потреблять». Представителям «первого мира» важно другое: что они будут иметь для решения тех задач, которыми они заняты, как это поможет решить стоящие задачи. Когда представители «второго мира» Беларуси поднимают вопросы сохранения наследия, возвращения национальных символов, смены режима, они слышат от представителей «третьего» и «первого» миров вопрос в одной и той же форме: «Что мы с этого будем иметь?».

«Третьему миру» важно, снизятся ли цены от возвращения символики? Вырастет ли зарплата после смены режима, станет ли жизнь в деревне лучше в результате сохранения замка или возвращения ему аутентичного вида?

«Первому миру» важно, как возвращение исторических символов поспособствует решению проблем глобального потепления, «великого переселения народов» или ответу на вопрос: «Зачем нам жить вместе?». Было бы наивно думать, что каждый представитель «первого мира» день и ночь думает только о глобальных проблемах. Каждая из этих проблем разбивается на множество конкретных задач, и каждый человек озабочен решением именно своей частной и локальной задачи, из совокупного решения которых складывается решение общих проблем.

Например, решение проблемы глобального потепления известно: человечеству нужно научиться регулировать состав атмосферы на планете. Примерно так, как мы можем регулировать температуру в помещении или освещение, при необходимости увеличивая или уменьшая подачу тепла и света. Так же нужно регулировать и долю диоксида углерода и других газов в атмосфере планеты, при необходимости уменьшать или увеличивать эти доли. Энергосберегающие технологии и сокращение выбросов углекислоты в атмосферу проблемы не решают, это только замедляет процесс, но не регулирует его. Регулировать этот процесс можно с помощью искусственного фотосинтеза, связывания атмосферной углекислоты, превращая углерод в другие агрегатные состояния: либо твердое, либо в жидкое.

Изобретение искусственного фотосинтеза, пригодного для технологического использования, требует комплексных программ научных исследований, фундаментальных разработок в физике, химии, биологии, еще большего объема прикладных исследований и разработок. Для создания такой технологии придется привлечь массу инженеров, технологов, программистов, экономистов. Это предполагает такой масштаб научно-технических программ, по сравнению с которым ЦЕРН с его адронным коллайдером покажется задачей для дипломной работы или магистерской диссертации. Такой программы работ еще нет, но актуальность ее все больше и больше осознается в «первом мире». И те, кто озабочен судьбой своей нации и территории во «втором мире», могут стать первыми, если предложат свои ресурсы и возможности для разворачивания такой программы. И через это смогут найти и занять свое собственное место в мировом разделении труда.

Решение проблемы глобального потепления могло бы предотвратить угрозу «великого переселения народов». Но именно угрозу, а не само «великое переселение» и интенсивную миграцию. Угроза исчезает, если переселение народов и процессы миграции возможно контролировать, регулировать и упорядочить. Контроль, регулирование и упорядочивание процессов миграции возможно при разработке глобальной программы социальных исследований и разработок. Масштаб такой программы не меньше, чем при создании технологий искусственного фотосинтеза, но нагрузку принимают на себя другие науки и дисциплины: социология, этнология, урбанистика, демография, прочие социальные дисциплины и междисциплинарные исследования.

Для решения третьей проблемы требуется не менее масштабная программа гуманитарных исследований и разработок, интенсивной коммуникации философов, психологов гуманитарных технологов и практиков.

Реформы в Беларуси имеют смысл, становятся необходимыми для того, чтобы Беларусь включилась в решение этих проблем вместе с «первым миром», включилась активно и сознательно, занимая в структуре мироустройства то место, которое сама себе выберет и обустроит, а не то, которое ей будет отведено в процессах колонизации и освоения, перераспределения и принудительного потребления.

В настоящее время Беларусь остается территорией освоения и колонизации. Энергетические и экологические программы, интернет, производственные и торговые сети распространяются на Беларусь по инициативе «первого мира» при вялом или пассивном сопротивлении беларусских властей и населения. Активнее «третий мир» Беларуси и созданный им режим сопротивляются освоению территории страны образовательными, социальными и гуманитарными сетями, о чем ярко свидетельствует позиция государства в отношении Болонского процесса, в сферах науки, НГО и «третьего сектора», в профсоюзном движении и социальных программах. Но «первому миру» нет до этого дела. Колонизация и освоение территории Беларуси будут продолжаться, независимо от того, что этому будут сопротивляться режим и население. Беларусы будут потреблять инновации «первого мира», здесь будут создаваться фрагменты инфраструктуры мировой экономики, будет интенсифицироваться обмен продуктами, знаниями, людьми.

Освоение «первым миром» территории Беларуси, информационного и консциентального пространства, ведет к повышению уровня и качества жизни, а все, что делает беларусское государство, следуя установкам «третьего мира» и реализуя его ценности и цели, только мешает этому и ухудшает ситуацию. Колонизация проявляется в том числе и в появлении в Беларуси локальных мест обитания представителей «первого мира». Это могут быть отдельные предприятия, консорциумы, вроде ПВТ, объединения НГО, филиалы и представительства международных программ, просто отдельные люди, вовлеченные в мировые информационные, производственные или социальные сети. Этих «микроколоний» «первого мира» в Беларуси уже довольно много, но они никак не участвуют в определении целей, задач и направлений развития страны. Поэтому страна не развивается.

Страна не развивается, но развивается глобальное человечество, а Беларусь — часть глобального человечества. Неразвивающаяся часть развивающегося целого. «Второй мир» Беларуси слишком озабочен частью, не видя целого.

«Первый мир» открыт для сотрудничества, хотя и не очень заинтересован в сотрудничестве именно с Беларусью.

«Второму миру» нужно совсем немного: самому заинтересоваться проблемами и задачами «первого мира», и заинтересовать его своими проблемами и задачами. Это и будет началом или первым шагом к реформам в стране.

И только делая этот первый шаг, мы сможем обнаружить, что в стране многое уже есть для второго и третьего шагов, многое уже сделано, но то, что сделано для реализации целей «первого мира», не ценится, даже не замечается теми, кто замкнут только на ценностях «второго» и «третьего» миров.

Я вижу и ценю все, что для этого уже сделано и делается. Я буду продолжать действовать в этом направлении, как и многие другие, известные и неизвестные мне агенты «первого мира» в Беларуси. Но я по-прежнему не знаю, будут ли реформы в Беларуси в ближайшее время.

Владимир Мацкевич

Беларусский философ и методолог, руководитель Агентства гуманитарных технологий (Минск), основатель программы создания современного университета в Беларуси «Летучий университет».

Редакторы: **Оксана Шелест**, **Андрей Шутов**

Корректура и оформление: **Андрей Шутов**